

СЕРИЯ «ТОПОГРАФ СНОВИДЕНИЙ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ЛАБИРИНТ
ИЛЛЮЗИЙ

ТОПОГРАФ СНОВИДЕНИЙ

LITRPG • РЕАЛРПГ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

**Топограф Сновидений:
Лабиринт Иллюзий**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Топограф Сновидений: Лабиринт Иллюзий / Н. Патчер —
«Автор», 2026

Вадим Озеров, опытный маркшейдер подземных тоннелей, погибает в шахтном завале и приходит в себя в зыбком мире Онироса. В реальности, где материя соттана из грез, а лорды кошмаров держат народы в вечном мороке, Система награждает его ничтожным классом. Местные гильдии иллюзионистов смеются над картографом без боевой магии и бросают в заброшенный лабиринт блуждающих призраков. Они не знают одного: у любого морока есть геометрия! Вадим видит истинные координаты астральных узлов. Нанося иллюзии на свою планшетку, он обнуляет фальшивые чары и рассекает фантомов физическими привязками к сетке координат. Начинается картографирование кошмара.

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Нейтон Патчер

Топограф Сновидений: Лабиринт Иллюзий

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ТОПОГРАФ СНОВИДЕНИЙ:

ЛАБИРИНТ ИЛЛЮЗИЙ

Серия «Топограф Сновидений» • Книга 1

Глава 1. Пробуждение в Мороке

Пробуждение не имело ничего общего с привычным выходом из сна. Не было ни тяжести в веках, ни ленивого тепла одеяла, ни утреннего звона будильника, въедающегося в виски.

Реальность просто треснула.

Вадим Озеров вдохнул — и легкие обожгло сухим, стылым привкусом старой книжной пыли, жженого сахара и озона. Этот запах ни с чем нельзя было спутать: так пахнет чужое забытие, оставленное на сквозняке вечности.

Он распахнул глаза.

Над головой не было неба. Вместо него клубился бесконечный, пепельно-свинцовый морок, медленно проворачивающийся по часовой стрелке, словно колоссальный жернов из спрессованных грозových туч. В этой серой утробе не светило солнце — рассеянный, мертвенный свет сочился отовсюду и одновременно из ниоткуда, стирая тени и лишая мир привычной глубины. Воздух дрожал мелкой, неприятной рябью, будто пространство вокруг проецировалось через старую, выцветшую линзу диапроектора.

Вадим попытался опереться на ладонь и сесть, но пальцы внезапно ушли во что-то податливое, холодное и вибрирующее.

Он резко отдернул руку и опустил взгляд.

Земли не было.

То, что служило здесь опорой, напоминало слоеный пирог из полупрозрачной слюды, застывшего дыма и влажной серой взвеси. Но самое жуткое крылось под этой зыбкой коркой. Поверхность под его сапогами слабо флуоресцировала опаловыми разводами, и сквозь мутную толщу проступали неясные, шевелящиеся очертания.

Вадим всмотрелся, подавляя внезапный спазм дурноты.

Там, на глубине полуметра под его ступнями, застыло чье-то искаженное немym криком лицо. Через секунду оно растеклось, сменившись вереницей ржавых детских качелей, скрипящих на несуществующем ветру. Качели растворились, уступив место бесконечной лестнице без перил, по которой катились разбитые фарфоровые чашки, полные густой темной жижи...

Онирос.

Великий Провал. Мир-могильник, куда сбрасывались отходы коллективного бессознательного миллиардов разумных существ. Место, куда людей выдергивало без спроса и жалости, ломая судьбы и перекраивая саму суть человеческого естества под законы Системы.

Под ногой Вадима с тихим хрустом лопнул пузырь отвердевшего детского кошмара, брызнув сухими искрами фиолетового света. Опора качнулась. Зыбкая твердь под ногами напоминала весенний наст над болотной топью: сделай неверный шаг, перенеси вес чуть резче

— и этот суррогат почвы поглотит тебя без следа, втянув в бесконечную круговерть чужого бреда.

В тот же миг пространство перед его глазами разорвала яркая вспышка, и сетчатку обожгло холодным неоновым пламенем.

Звук возник прямо в черепной коробке — сухой, металлический щелчок взводимого затвора, за которым последовал пульсирующий гул.

****[Внимание! Биологическая сигнатура верифицирована.]****

****[Когнитивная матрица: стабильна (87%).]****

****[Добро пожаловать в нижний горизонт Онироса — Сектор Пыльного Морока.]****

****[Синхронизация интерфейса завершена на 100%.]****

Фиолетовые символы, сотканые из тончайших нитей света, выстроились в ровные строчки. Они не подчинялись законам оптики: когда Вадим моргал, буквы не исчезали, а впечатывались глубже в зрительный нерв, настойчиво требуя внимания.

****[Определен базовый статус носителя:]****

****Имя:** Вадим Озеров**

****Уровень:** 1 (0/100 EXP)**

****Класс:** [Топограф Сновидений] (Ранг: F)**

****Когнитивная Стабильность:** 100/100**

****Астральный Резонанс:** 45/45**

****Ментальная Стойкость:** 12**

****Пространственная Ориентация:** 18 (+6 классовый бонус)**

****Внимание к Деталям:** 15 (+4 классовый бонус)**

****Физическая Плотность (Якорь):** 8**

Строка с названием класса пульсировала тусклым, грязно-лиловым цветом, словно Система сама стыдилась этой записи. Внизу, мелким убористым шрифтом, мерцала системная сноска, сочащаяся неприкрытым машинным сарказмом:

****[Классовая справка: Топограф Сновидений (Ранг F) — сугубо вспомогательная, некомбативная специализация низшей категории. Боевой потенциал: ничтожный. Способность к нанесению урона: отсутствует. Выживаемость в диких секторах Онироса при одиночном прохождении: 0.14%.]****

****[Совет Системы: Постарайтесь как можно быстрее найти боевую группу ранга D и выше в качестве носильщика измерительного инвентаря. В противном случае ваша плоть послужит удобрением для хищных онирических фаунистических форм в течение первых шести часов.]****

— Ну надо же, какая заботливая сволочь, — хрипло пробормотал Вадим в пустоту.

Собственный голос прозвучал странно: глухо, без реверберации, словно звук мгновенно вязнул в окружающем тумане. Горло саднило, во рту стоял металлический привкус, но в голове, вопреки паническим прогнозам Системы, царила абсолютная, ледяная трезвость.

Вадим Озеров не был сопливым подростком, грезящим о пылающих клинках, огненных шарах и гаремах из астральных дев. До того, как реальность вывернуло наизнанку, ему перева-лило за тридцать пять. Пятнадцать из них он провел в глухих таежных экспедициях, на заброшенных рудниках Заполярья и в пыльных забоях глубоких шахт. Он был маркшейдером. Горным инженером-геодезистом высшей квалификации. Человеком, который знал цену каждому миллиметру уклона породы, умел читать подземные пустоты по вибрации лазерного луча и точно знал: если у тебя нет твердой системы координат, ты покойник, будь у тебя в руках хоть отбойный молоток, хоть пулемет.

Боевые классы? Убийцы кошмаров? Астральные берсерки?

Вадим усмехнулся потрескавшимися губами, чувствуя, как внутри закипает привычная профессиональная злость. Он прекрасно помнил обрывки сведений, просачивавшиеся

сквозь завесу Прорыва: как тысячи самозванных «мечников» и «магов огня» сгорали за считанные секунды просто потому, что бросались на врага в пространстве, где расстояние между двумя точками могло внезапно стать отрицательным, а гравитация выворачивалась под прямым углом. Они пытались рубить кошмары сталью, не понимая, где верх, а где низ.

Они не умели измерять. А Вадим умел.

Перед глазами мигнуло еще одно системное оповещение:

[Доступно начальное активное умение:]

[Маркшейдерская Сетка Астрала (Ранг F, Уровень 1)]

Тип: Активное / Поддерживаемое.

Затраты: 5 ед. Астрального Резонанса на активацию + 1 ед./мин на удержание локального репера.

Описание: Позволяет оператору наложить первичную евклидову координатную сетку на нестабильное психоактивное пространство с радиусом развертывания до 15 метров. Стабилизирует локальную геометрию, снижает энтропию сна на 12%, отображает скрытые разрывы высот и градиенты иллюзорной плотности.

— Уже лучше, — негромко произнес он, опускаясь на одно колено.

Движение требовало филигранной осторожности. Субстанция под ним заскрипела, как мокрый крахмал, и по ее поверхности поползли перламутровые трещины, отдающие запахом прелой листвы и чьих-то неоплаканных слез.

Рядом с ним на зыбком грунте лежал единственный предмет материального снаряжения, выданный Системой при инициации.

Геодезический планшет.

Вадим бережно потянул его к себе. Инструмент выглядел архаично, но надежно, вызывая острое чувство ностальгии по старым советским приборам. Тяжелая латунная рама с матовым покрытием, не дающим бликов. Корпус из темного, шероховатого эбонита, скрепленный массивными бронзовыми винтами. На лицевой панели вместо бумаги тускло поблескивала пластина из полированного дымчатого кварца, окантованная шкалой нониуса с микрометрической разметкой. Сбоку на шарнире крепился складной диоптр с визирной нитью, а в специальном кожаном гнезде покоился стилус из закаленного сплава, увенчанный граненым осколком фиолетового астрального кристалла.

К нижней части планшета на цепочке из тонких латунных колец крепился тяжелый конический отвес. Когда Вадим приподнял прибор, отвес качнулся, но замер не вертикально вниз, а отклонился вбок градусов на двадцать, указывая куда-то в сторону клубящегося туманного вала.

Гравитационная аномалия. Вектор тяжести в Ониросе не был константой — он плавал, подчиняясь приливам скрытых ментальных течений.

Вадим провел огрубевшим пальцем по холодному металлу. На торце планшета была выбита четкая маркировка:

[Инструмент полевой онирический: Мензула-M1 (Учебный образец). Прочность: 50/50. Погрешность измерений: ± 0.08 условных саженей на сектор.]

— Что ж, Мензула-первая, давай знакомиться, — прошептал инженер. — Посмотрим, из чего склеен этот ваш распиаренный загробный мир.

Он установил планшет на согнутое колено, выравнивал прибор по встроенному пузырьковому уровню — зеленоватый пузырек в стеклянной капсуле упорно метался, не желая вставать в ноль-пункт, — и мысленно активировал навык.

— [Маркшейдерская Сетка Астрала]. Старт.

Глубоко в груди, прямо за солнечным сплетением, вспыхнула холодная искра. По венам прокатилась волна колючего озноба, словно в кровь плеснули жидкого азота. Шкала Астрального Резонанса дрогнула и просела: `[40/45]`.

Из наконечника фиолетового стилуса сорвался тончайший луч света — не толще паутинки. Он ударил точно в центр кварцевой пластины планшета, и прибор глухо загудел, входя в резонанс с несущей частотой пространства.

Секунду ничего не происходило. А затем окружающий серый морок взорвался геометрией.

Из корпуса планшета во все стороны веером брызнули призрачные фиолетовые линии. Они не летели по воздуху, они прочерчивали саму ткань реальности, испарывая туман, как скальпели. Линии ложились на колыхающуюся, студенистую поверхность почвы, рассекая ее на правильные метровые квадраты.

Там, где фиолетовый луч касался зыбкой массы чужих снов, происходило чудо.

Хаотичные образы — искаженные гримасы, плачущие глаза, силуэты рушащихся зданий — замирали, скованные жестким математическим каркасом. Зыбучая, перламутровая каша мгновенно кристаллизовалась, превращаясь в твердую, похожую на базальт плиту с идеальной горизонтальной плоскостью. В узлах сетки вспыхивали крошечные светящиеся колышки — расчетные высотные пикеты.

Перед глазами Вадима развернулся полноценный пространственный дисплей:

[Координатная привязка выполнена.]

[Базовая точка: X: 0.000 | Y: 0.000 | Z: 0.000]

[Локальная кривизна пространства: 1.14 (Неевклидово искривление по оси Z)]

[Плотность опорного горизонта: 74% (Удовлетворительно)]

[Глубина онирической топи под носителем: 4.82 метра. Внимание: под поверхностью зафиксирован плавун чужой клаустрофобии!]

Вадим затаил дыхание. Под его сапогами больше не было предательской трясины. Квадрат размером три на три метра вокруг него обрел абсолютную жесткость. Он топнул тяжелым каблуком — раздался сухой, уверенный звон гранита.

— Работает... — выдохнул он, и губы сами собой растянулись в хищной усмешке. — Черта с два вы меня утопите в своих галлюцинациях. Физика здесь, может, и мертва, но начертательная геометрия бессмертна.

На кварцевой пластине планшета сами собой зачертились тонкие линии. Прибор жадно впитывал топографические данные: изолинии высот ложились ровными концентрическими кругами, вырисовывая микрорельеф окружающего тумана.

Оказалось, что пустошь вовсе не была плоской.

То, что невооруженному глазу казалось однородной серой равниной, на карте планшета выглядело чудовищным нагромождением ловушек. Прямо перед Вадимом, в каких-то пяти метрах, туман скрывал колоссальный провал — пространственную воронку глубиной более сорока метров, которую Система маркировала тревожным оранжевым пунктиром:

[Обнаружен скрытый топографический дефект: «Колодец Подавленного Стыда». Свойства: гравитационный затяг, необратимое растворение когнитивной матрицы при падении. Вероятность падения без визуализации рельефа: 98.4%.]

Вадима прошиб холодный пот. Если бы он, очнувшись, запаниковал и просто побежал вперед сквозь туман, как сделал бы любой нормальный человек, он бы шагнул в эту пасть через три секунды. И никакие мечи, щиты и файерболы ему бы не помогли — он просто растворился бы в чужом кошмаре, став еще одной каплей серой жижи под ногами следующих несчастных.

Но теперь колодец был размечен. Фиолетовая сетка четко очерчивала его края ярким предупреждающим контуром, превращая смертельную ловушку в обычное препятствие на плане местности.

Вадим достал стилус и коснулся пластины, нанося первый репер — опорную геодезическую точку:

— Закрепить репер Р-1. Привязать к когнитивному якорю.

****[Репер Р-1 установлен. Расход Астрального Резонанса стабилизирован: 0.8 ед./мин.]****

****[Получено 5 очков опыта за первичное картографирование неизведанного сектора!]****

****[Прогресс уровня: 5/100 EXP]****

— Опыт за съемку местности? — хмыкнул маркшейдер. — Вот это уже деловой разговор.

Он поднялся на ноги. Ступать по стабилизированным фиолетовым квадратам было легко и уверенно — почва держала мертво. Но за пределами пятнадцатиметрового круга морок продолжал жить своей пугающей жизнью. Туман то сгущался до состояния ваты, то истончался, обнажая вдали силуэты гигантских циклопических конструкций, напоминавших перевернутые мосты или полусгнившие скелеты соборов, висящие вверх тормашками прямо в клубящейся хмари.

Внезапно стрелка отвеса на планшете дернулась.

Тонкая латунная цепочка натянулась струной. Отвес отклонился еще сильнее, а затем начал мелко, судорожно вибрировать, выписывая в воздухе неровные восьмерки.

Кварцевая панель отозвалась резким щелчком.

****[Внимание! Зафиксировано динамическое возмущение топологического слоя!]****

****[Скорость сдвига изолиний: 3.4 м/с.]****

****[Вектор приближения: Азимут 240, дистанция 45 метров.]****

****[Уровень угрозы: Локальный катаклизм / Бродячий Фантом.]****

Из глубин тумана донесся звук.

Это не был рык зверя или боевой клич. Звук напоминал шорох сотен тысяч сухих газетных страниц, которые кто-то быстро-быстро перелистывал в пустой, гулкой комнате. Вслед за шорохом накатила волна удушливого холода — такого, от которого немеют пальцы и перехватывает дыхание.

Туман впереди заколебался. Из серой пелены начала вываливаться масса.

Она не имела постоянной формы. Это был колышущийся сгусток мутно-багрового дыма, сквозь который ежесекундно проступали осколки чужих кошмаров: ощеренные собачьи пасти с человеческими зубами, разбитые зеркала, в которых отражалась пустота, тянущиеся костлявые руки с содранными ногтями. Тварь двигалась скачками, буквально пожирая пространство перед собой: там, где она проползала, земля растворялась, превращаясь в пенящуюся черную смолу.

Над монстром вспыхнула алая системная плашка:

****[Мороковый Зыбун (Психофаг ранга F+)]****

****Уровень:** 3**

****Тип:** Нестабильная астральная сущность / Паразит сновидений**

****Особенности:** Игнорирует физические атаки нормального типа. Растворяет твердость грунта в радиусе 10 метров.**

****Уязвимости:** Прямое ментальное разрушение, смысловой коллапс.**

Вадим почувствовал, как сердце глухо заколотилось о ребра, но руки, сжимающие латунный планшет, не дрогнули. Старая профессиональная привычка: чем сложнее аварийная ситуация в шахте, тем медленнее и вывереннее должны быть движения. Паника — это потеря контроля. Потеря контроля — это смерть под завалом.

Зыбун почуял живую плоть.

Сгусток издал тонкий, сверлящий уши писк — так визжит ржавое железо по стеклу — и ринулся вперед. До него оставалось тридцать метров. Двадцать пять. Расстояние сокращалось с пугающей скоростью. Серая почва перед чудовищем размягчалась, пузырилась и стекала вниз, в бездну, обнажая зияющие провалы небытия.

«Способность к нанесению урона: отсутствует», — всплыли в памяти издевательские строки Системы.

— Отсутствует, говоришь? — прошипел Вадим сквозь зубы. Глаза его сузились, превратившись в две щелочки за визирным диоптром. — Мы ведь в мире снов, да? Здесь материя — это просто иллюзия, которую кто-то забыл упорядочить.

Он не стал пятиться. Он не стал пытаться бежать.

Вместо этого Вадим резко крутанул микрометрический винт на корпусе планшета, загоня прибор в режим предельной перегрузки.

— [Маркшейдерская Сетка]! Смена режима: **Локальная триангуляция**!

[Внимание! Расход Астрального Резонанса увеличен до 15 единиц! Текущий запас: 25/45!]

— Да хоть все забери! — рывкнул инженер. — Стилус, привязка к сектору вторжения! Фиксация дирекционного угла!

Он с силой провел кристаллическим наконечником по кварцевой пластине, перечеркивая наступающую тварь крест-накрест двумя расчетными лучами.

В тумане грохнуло.

Это был не звук взрыва — это был звук ломающегося льда колоссальной толщины. Фиолетовые линии сетки, до этого мирно лежавшие на земле, внезапно взмыли вверх, формируя в пространстве трехмерный силовой каркас. Лазерные нити вспыхнули ослепительным, белым накалом, связывая воздух, туман и зыбкую почву в жесткую, нестигаемую геометрическую матрицу.

Мороковый Зыбун с разгона влетел прямо в расчетный сектор.

Тварь рассчитывала ворваться в мягкую, податливую среду, растворить пространство под ногами жертвы и утопить человека в черной смоле кошмара. Но вместо этого она со всего маха врезалась в монолитную сетку абсолютных координат.

Пространство внутри куба триангуляции мгновенно схлопнулось в жесткую евклидову геометрию.

Угол перестал быть пластичным. Время перестало течь рывками. Расстояние между точками стало константой, вычисленной с точностью до десятого знака после запятой.

Для онирического монстра, чья природа строилась на энтропии, бесформенности и текучести иллюзий, законы твердой математики оказались смертельнее любого клинка.

Раздался дикий, захлебывающийся вой.

Зыбун застрял. Его аморфное, струящееся тело начало с треском затвердевать, насаживаясь на фиолетовые координатные оси, как кусок студня на решетку гриля. Пепельно-багровый дым кристаллизовался, превращаясь в ломкую, серую стекловату. Лапы-тени, оскаленные пасти и осколки зеркал застывали, теряя свою пугающую динамику и становясь просто уродливыми гипсовыми слепками.

[Критическая ошибка топологической целостности объекта «Мороковый Зыбун»!]

[Внешняя энтропия подавлена принудительной маркшейдерской привязкой.]

[Плотность объекта увеличена на 600%. Подвижность снижена до 0%.]

— А теперь — контрольный замер, сука, — тихо произнес Вадим, глядя на бьющееся в геометрической ловушке чудовище.

Он взял планшет обеими руками и до упора завернул юстировочный винт горизонтального круга, обнуляя погрешность сектора:

— Схлопнуть базис! Устранить невязку координат!

Фиолетовые линии натянулись и с визгом резанули внутрь, устремляясь к нулевой точке пересечения.

Раздался сухой, оглушительный треск — будто разбили огромную хрустальную люстру.

Застывший Мороковый Зыбун не взорвался кровью или огнем. Он просто рассыпался на миллионы мелких, идеально кубических кристаллов серого цвета, которые тут же осыпались на твердую почву шуршащим градом.

Тишина рухнула на равнину, словно тяжелый свинцовый полог.

Только фиолетовая сетка продолжала мерно пульсировать вокруг Вадима, освещая безжизненный, геометрически выверенный островок спокойствия посреди первозданного хаоса.

Перед глазами посыпался водопад системных сообщений, окрашенных в торжественный золотистый цвет:

[Уничтожена астральная сущность: Мороковый Зыбун (Уровень 3).]

[Способ ликвидации: Принудительный топологический коллапс.]

[Внимание! Зафиксировано нестандартное применение небоевого классового навыка!]

[Эффективность устранения: 142% (Урон пересчитан через преодоление энтропийного сопротивления).]

[Получено: 120 очков опыта!]

[Поздравляем! Ваш уровень повышен!]

[Текущий уровень: 2 (25/250 EXP)]

[Получено 3 свободных очка характеристик!]

[Получено 1 очко навыков класса!]

[Навык «Маркшейдерская Сетка Астрала» повышен до Уровня 2! Радиус развертывания увеличен до 25 метров, погрешность снижена на 15%.]

[Трофеи:]

[Эссенция Застывшего Морока (Низшее качество) — 3 шт.]

[Осколок Психоактивного Кварца — 1 шт.]

[Астральные нити (Сырец) — 12 метров.]

Вадим медленно опустил планшет. Его грудь тяжело вздымалась, дыхание вырывалось из рта белесыми клубами пара. Виски ломило от дикого напряжения, шкала Астрального Резонанса мигала красным на отметке `[8/45]`, требуя немедленного отдыха.

Но на его лице играла жесткая, холодная улыбка победителя.

Он шагнул вперед — сапог уверенно ступал по жесткой сетке — и подошел к кучке блестящих кубиков, оставшихся от монстра. Наклонился, подобрал один из них. Камень был холодным, гладким и абсолютно реальным.

Система врал.

Или, вернее, Система судила о полезности классов по примитивным меркам гладиаторской арены. Для нее сила измерялась уроном меча и радиусом поражения огненного шквала. Она не понимала, что мир снов, Онирос — это не физическое пространство. Это мир информации, смыслов и геометрии. А тот, кто способен управлять геометрией, способен переписать правила любой схватки.

— Небоевой класс, значит? — Вадим подбросил на ладони тяжелый осколок кварца и убрал его в карман куртки. — Ну-ну. Посмотрим, кто здесь добыча, а кто геодезический надзор.

Он вернулся к центру своего расчищенного плацдарма, сел прямо на затвердевшую плиту и положил планшет на колени. Руки привычно потянулись к распределению очков:

Два очка он не колеблясь вбросил в **Астральный Резонанс** — энергию для поддержки сетки нужно было наращивать в первую очередь. Одно очко ушло в **Когнитивную Стабильность**: голова должна оставаться ясной, иначе первый же морок высокого ранга сомнет его разум еще до того, как он успеет поднять визир.

По телу разлилась приятная, согревающая волна. Слабость отступила. Резонанс начал медленно восстанавливаться: `[15/55]... [16/55]...`

Вадим снова активировал стилус.

На кварцевом экране планшета карта сектора расширилась. Теперь, на втором уровне навыка, прибор видел на двадцать пять метров вперед. И то, что он показал на границе обзора, заставило инженера насторожиться.

В глубине серого тумана, метрах в сорока к северу, прибор нащупал массивную аномалию. Это не был бродячий монстр. Линии высот на экране резко искривлялись, образуя правильные концентрические уступы, уходящие ступенями высоко вверх.

Искусственная структура. Монументальная лестница или терраса древнего бастиона, погребенного в тумане сновидений.

А у подножия этой невозможной лестницы на карте слабо, прерывисто пульсировала крошечная синяя точка.

[Обнаружен неопознанный сигнал биологического присутствия.]

[Статус: Критическое угасание когнитивной матрицы (11%).]

[До полного растворения субъекта в Мороке осталось: 14 минут 20 секунд.]

Вадим поднял взгляд от экрана.

Там, впереди, за пеленой клубящегося пепла, умирал еще один человек. Тот, кто, скорее всего, обладал гордым боевым классом, сверкающим оружием и полным отсутствием понимания того, куда он попал.

Маркшейдер поднялся, затянул ремни полевой сумки и проверил крепление латунного отвеса.

— Ну что, прибор, — негромко сказал Вадим, вскидывая планшет на уровень груди. — Черти створ. Выдвигаемся на объект.

Фиолетовый луч прорезал мглу, прокладывая первую прямую линию сквозь хаос бессознательного мира. Вадим Озеров сделал шаг вперед, вбивая каблук в свежий, послушный законам геометрии камень.

Глава 2. Первая Засечка

Серый туман не просто клубился вокруг — он сопротивлялся. Он обладал плотностью сырой хлопковой ваты, пропитанной запахом стылой речной тины, озона и чьих-то давно забытых, полусгнивших воспоминаний. Каждый шаг давался с трудом, словно Вадим шагал по дну пересохшей илистой протоки, где под ногами то и дело норовила разъехаться вязкая, зыбкая хлябь.

Но там, куда ударял тонкий фиолетовый луч, испускаемый кварцевым наконечником геодезического планшета, бесформенный астральный хаос мгновенно застывал.

Под кованым носком тяжелого рабочего ботинка Вадима с глухим хрустом рождалась плоскость. Идеальная, строгая, подчиненная законам горизонтали и дирекционному углу. Настоящий колотый гранит, серый, зернистый, шершавый. Дорожка шириной ровно в сорок сантиметров — расчетная полоса геометрической устойчивости для базового створа первого разряда. Шаг влево или вправо — и нога снова провалится в зыбкую морось, где нет ни верха, ни низа, ни плотности.

Вадим двигался размеренно, экономя дыхание. В шахтах Норильска и на заснеженных перевалах Якутии его учили главному правилу полевика: спешка убивает быстрее, чем мороз или камнепад. На секунду собьешь шаг, засуетишься — потеряешь ориентир, споткнешься, выронишь прибор. А прибор здесь был единственной нитью, связывающей его сознание с понятием объективной реальности.

В правом верхнем углу его зрительного поля монотонно мерцали системные хронометры:

[Время до критической дезинтеграции сигнатуры: 13 мин. 48 сек.]

[Когнитивная матрица цели: 10.8% (Угасание ускоряется).]

[Текущий запас Астрального Резонанса: 24/55 (Скорость восстановления: +0.4 ед./сек.)]

****[Когнитивная Стабильность: 100% (Норма)]****

— Тринадцать минут с хвостиком, — негромко пробормотал Вадим под нос. Звук собственного хриплого голоса приятно оцарапал барабанные перепонки, возвращая мыслям трезвость. — Метров сорок по прямой. Если бы это была обычная тайга, добежал бы за десять секунд. Но здесь прямой линии в природе не существует, пока ты сам ее не начертишь и не забьешь в нее сваи.

Он взглянул на матовый экран планшета. Тонкая фиолетовая черта — проложенный им створ — уходила вперед, но на тринадцатом метре ее кончик начал предательски подрагивать. Линия высот, отображаемая цифровым высотомером, внезапно поползла вверх под нелепым углом в сорок пять градусов, хотя визуально перед Вадимом расстилалась все та же унылая, полая серая равнина.

Пространство слоилось. Оно сопротивлялось геометрии, пытаясь обмануть оптику, преломить луч и завязать вектор в ложный узел.

Вдруг фиолетовый лазерный след впереди преломился. Луч света, который по всем фундаментальным законам физики обязан был двигаться прямолинейно в однородной среде, изогнулся пологой дугой вправо, скользнул по невидимой выпуклости тумана и рассеялся россыпью блеклых фиолетовых искр.

Вадим замер, мгновенно остановив движение. Каблуки зафиксировались на твердом гранитном пятачке.

****[Внимание: обнаружена зона переменной кривизны метрики.]****

****[Коэффициент оптической рефракции Морока: 1.74.]****

****[Прямая визирная ось нарушена. Дальнейшая прокладка створа вслепую грозит срывом в фазовую расщелину.]****

— Вот оно как, — прищурился маркшейдер, медленно переводя дыхание. — Оптический клин. Кто-то очень не хочет, чтобы я шел по прямой.

Воздух впереди заметно похолодел. Не физическим морозом, от которого индевеют ресницы, а тем мерзким, вкрадчивым астральным ознобом, который заставляет внутренности сжиматься в тугую узел. В глубине тумана, метрах в пятнадцати впереди, послышался сухой, царапающий звук. Словно десятки стеклянных игл скребли по наждачной бумаге.

А затем пришел вой.

Он не был похож на вой земного волка — в нем не было тоски или призыва к стае. Этот звук напоминал резонансный гул высоковольтных проводов под шквальным ветром, смешанный с шелестом радиопомех на пустой частоте. Звук проникал не через уши, он резонировал прямо в костях черепа, заставляя вибрировать зубы.

****[Предупреждение: Ментальная интерференция низкой частоты.]****

****[Параметр «Когнитивная Стабильность» снижен: 99%... 98%...]****

****[Внимание! Зафиксировано присутствие блуждающих фазовых хищников.]****

****[Классификация: Грезовый волк (Порождение Первого Круга Бессознательного).]****

****[Уровень сущностей: 3–4.]****

****[Количество активных маркеров: 3 (внимание: возможны зеркальные фантомы).]****

Из серых клубов, метрах в двенадцати впереди, плавно выплыли три силуэта.

Они напоминали крупных псовых, но анатомия их была текучей, нестабильной. Шкура казалась сотканной из серого пепла и ключев грозовых облаков, сквозь которые слабо просвечивали контуры ложных ребер. Морды были вытянутыми, безглазыми — на месте глазниц пульсировали вертикальные щели, наполненные мутным фосфоресцирующим светом. Но самое скверное заключалось в их движении: волки перемещались рывками, оставляя за собой смазанные, мерцающие шлейфы. В один миг зверь стоял прямо по курсу, а через долю секунды его изображение двоилось, распадаясь на две зеркальные копии, сдвинутые относительно друг друга на метр.

Один волк припал к несуществующей земле слева. Второй бесшумно скользил справа, заходя в полукруг. Третий — самый крупный, с грязно-белым наростом на холке, похожим на окаменевший кристалл, — остался в центре, скаля длинные, похожие на сосульки клыки, с которых капала густая черная жижа, испаряющаяся еще до падения.

Обычный боец, будь то мечник или лучник, в этой ситуации доверился бы глазам или слуху. Он натянул бы тетиву, прицелился в оскаленную пасть центральной твари или приготовился встретить прыжок флангового зверя рубящим ударом.

И неминуемо погиб бы.

Потому что на экране геодезического планшета Вадима реальность выглядела совершенно иначе.

Никаких трех волков в тех точках, где их рисовал воспаленный обманчивый взор, прибор не видел. На месте левого волка планшет показывал абсолютно пустую топографическую пустоту — изолинии высот шли ровно, без малейшего возмущения массы. Зверь слева был чистым оптическим параллаксом, фантомом, порожденным преломлением астрального света.

Настоящие маркеры возмущения массы — три тяжелых, хаотично пульсирующих гравитационно-пространственных узла — располагались совсем в других координатах. Центральный зверь на самом деле находился на два с половиной метра правее и на сорок сантиметров ниже видимого силуэта. А тот, что казался правым, уже бесшумно стелился по дуге прямо за спину инженеру, скрытый складкой иллюзорного рельефа.

— Хитрые твари, — процедил сквозь зубы Вадим. Рука его не дрогнула. — Работают по принципу миража в пустыне. Создают ложный угол визирования, чтобы жертва била в пустоту, открывая шею для реального удара. Классическая коллимационная погрешность, возведенная в абсолют.

Левый, фантомный волк внезапно издал яростный рык и метнулся вперед, целясь прямо в лицо человеку. Прыжок выглядел чудовищно правдоподобно: мускулы перекачивались под пепельной шкурой, челюсти щелкали в воздухе, поднимая вихрь тумана.

Любой рефлекс требовал закрыться руками, отшатнуться, сбить зверя локтем.

Вадим даже бровью не повел. Он стоял неподвижно, как гранитный репер на вечной мерзлоте.

Фантом пролетел сквозь его грудь без единого звука, обдав лишь мимолетной волной затхлого холода, словно распахнулась дверца старого погреба. Системное сообщение лениво моргнуло:

[Ментальная атака типа «Ложный выпад» проигнорирована.]

[Когнитивная Стабильность удержана на отметке: 98%.]

[Иллюзорный контур цели рассеян.]

Но в ту же секунду с правого фланга — из пустоты, где человеческий глаз видел лишь серый клокочущий пар, — донесся настоящий, смертоносный шелест когтей. Настоящий волк шел на перехват, используя замешательство жертвы.

— Поиграли в прятки, и хватит, — глухо бросил маркшейдер.

Работать с руки портативным планшетом против подвижных целей на пределе видимости было недопустимо. Слишком велика угловая погрешность, слишком велик риск смазать замер. Против геодезической аномалии требовался инструмент тяжелого класса.

Вадим резко сбросил с плеча длинный продолговатый тубус из ударопрочного углепластика и титанового сплава. Одно движение широкой ладони — защелки раскрылись с сухим щелчком.

В его руках оказался геодезический штатив с массивными телескопическими ножками и сердце его арсенала — **Замерный Теодолит Маркшейдерский Полевой «ЗТМ-А1»**.

Это не было изящным магическим жезлом или сияющим посохом чародея. Прибор выглядел грубо, монументально и функционально: массивный корпус из оливкового анодиро-

ванного алюминия и матовой латуни, тяжелая зрительная труба с толстыми просветленными линзами из горного хрусталя, микрометрические винты тонкой наводки с алмазной насечкой, лимб и алидада, размеченные с точностью до долей угловой секунды. От основания прибора тянулся тяжелый латунный отвес на плетеном шелковом шнуре, оканчивающийся граненым конусом из радиоактивно мерцающего берилла.

Движения Вадима были выточены тридцатью годами полевого стажа. Ни одного лишнего взмаха.

Ножки штатива с металлическим лязгом раздвинулись на нужную длину. Стальные заостренные наконечники — башмаки штатива — со всего маху вонзились в узкую гранитную полосу, выбивая снопы сизых искр.

[Развертывание полевой геодезической станции...]

[Точка стояния определена: Пикет 0+13.7.]

[Устойчивость основания: 100%.]

Секунда — и на столик штатива лег сам теодолит. Становой винт снизу затянулся с тугим, сытым скрипом.

Справа, всего в четырех метрах, туман взорвался. Настоящий волк вышел на финишную прямую атаки. Теперь Вадим видел его периферийным зрением: зверь казался размытым пятном, его пасть раскрылась почти на сто восемьдесят градусов, обнажая частокол зубов, вибрирующих на ультразвуковой частоте. Он летел низко над землей, целясь маркшейдеру в сухожилие под коленом.

У обычного человека не хватило бы времени даже вскинуть ружье.

Но Вадим не собирался стрелять по зверю. Он брал отсчет.

Пальцы в грубых перчатках метнулись к подъемным винтам подставки — трегера. Взгляд метнулся к круглому пузырьковому уровню.

Пузырек воздуха в спиртовой капсуле метнулся от края к центру. Раз — поворот левого винта. Два — встречное движение правого. Пузырек послушно замер точно между двумя контрольными рисками.

Горизонт взят.

[Инструмент приведен в отвесное положение.]

[Коллимационная ось стабилизирована.]

[Включен режим угловых измерений высокого разрешения.]

— Поймал тебя, сука, — выдохнул Вадим, припадая глазом к резиновому наглазнику окуляра зрительной трубы.

Мир внутри оптической системы кардинально преобразился.

Серый туман в окуляре перестал быть хаотичной массой. Он распался на четкую координатную сетку тончайших зеленых светящихся линий. Сетка нитей — строгий крест с горизонтальными и вертикальными дальномерными штрихами — намертво легла на пространство.

И там, где невооруженный глаз видел лишь пустоту и обрывки серой мглы, через хрустальную оптику теодолита Вадим отчетливо разглядел истинное тело хищника.

Это был клубок бешено вращающихся силовых линий, сотканных из плотного фиолетового тумана, внутри которого пульсировало крошечное, размером с грецкий орех, геометрически правильное ядро — додекаэдр из застывшего серого кварца. Это было средоточие сущности твари. Ее точка привязки к этому миру. Ее истинный центр тяжести.

Волк находился в фазе прыжка. Расстояние — 3.82 метра. Скорость сближения — 11 метров в секунду. Угол места — минус четыре градуса.

Пальцы Вадима легли на наводящий винт алидады. Плавное микроскопическое движение — сетка нитей с математической неотвратимостью совместила перекрестье точно с пульсирующим кварцевым додекаэдром в груди твари.

В ухе щелкнул зуммер:

[Цель захвачена в визирную ось.]

[Азимут: 284°12'44".]

[Дистанция: 3.81 м.]

[Превышение: -0.14 м.]

[Истинные пространственные координаты зафиксированы без возможности фазового уклонения.]

— Засечка первая, — прошептал Вадим и вдавил указательным пальцем массивную латунную гашетку на боковой панели теодолита. — Прямая угловая. Координата снята.

[Активирован навык: «Геометрическая Фиксация Репера: Принудительный Коллимационный Пробой»!]

[Расход Астрального Резонанса: 15 единиц.]

[Текущий Резонанс: 11/55.]

Из широкого объектива зрительной трубы не вырвалось пламя. Не было взрыва.

Раздался звук, похожий на звон лопнувшей басовой струны гигантского рояля, помноженный на металлический треск ломающегося рельса на сорокаградусном морозе.

Тончайший луч абсолютно белого, ослепительного света — толщиной не толще швейной иглы — пронзил пространство вдоль визирной оси. Он не жег и не испепелял. Он делал нечто куда более страшное для порождения мира снов: он принудительно наделял точку пространства постоянными, неизменными декартовыми координатами.

В тот миг, когда луч коснулся кварцевого ядра волка, хаотичная, текучая природа зверя вступила в смертельное противоречие с законами евклидовой геометрии.

Волк замер прямо в воздухе. Его движение не просто остановилось — вектор скорости мгновенно обнулился. Пространство вокруг зверя сжалось с сухим, хрустальным хлопком.

На глазах Вадима пепельная шкура хищника посерела, потеряла призрачную полупрозрачность и мгновенно остекленела. По телу твари побежали белые трещины, словно по оконному стеклу, в которое на полном ходу влетел булыжник.

— Хрупкая конструкция, — хладнокровно констатировал Вадим, не отрывая взгляда от окуляра. — Ошиблись в расчетах сопромата.

Остекленевшая туша первого волка рухнула на гранитную полосу и с сухим звоном разлетелась на тысячи мелких, тусклых осколков, которые тут же начали таять, превращаясь в белесую извесь.

[Уничтожена сущность: Грезовый волк (Уровень 3).]

[Получено опыта: 85 ед.]

[Элемент Морока нейтрализован в радиусе 5 метров.]

[Трофеи: Осколок фазового кварца (Низшее качество) — 1 шт. (Перемещено в инвентарь).]

Но расслабляться было нельзя. В воздухе стоял удушливый запах горелого кремния, а счетчик времени безжалостно отсчитывал секунды:

[Время до критической дезинтеграции сигнатуры: 11 мин. 12 сек.]

[Когнитивная матрица цели: 9.4%.]

Оставшиеся два волка среагировали мгновенно.

Они не обладали человеческим разумом, но звериное чутье порождений Морока подсказало им: неподвижная трехногая конструкция из металла и стоящий за ней двуногий представляют абсолютную, противоестественную угрозу для всего их иллюзорного естества.

Крупный вожак с кристаллическим наростом на холке издал короткий хриплый лай.

Второй волк — тот, что ранее прятался за ложной дугой преломления, — не стал атаковать в лоб. Он начал кружить вокруг штатива на расстоянии семи метров, бешено наращивая скорость. Его силуэт размазывался, превращаясь в непрерывное серое кольцо. Пространство

вокруг геодезической станции начало закручиваться: изолинии на экране планшета поплыли, превращаясь в концентрические воронки.

Тварь пыталась сорвать горизонт прибора! Создать искусственную турбулентность пространства, чтобы сбить пузырек уровня и заставить тяжелый латунный отвес раскачиваться, как маятник в часах.

Если горизонт сойдет — точность наводки упадет до нуля. Без точной засечки луч теодолита превратится в бесполезную световую указку.

Одновременно с этим вожак начал медленно, шаг за шагом наступать с фронта. Но он больше не бежал. Он использовал фазовое мерцание: шаг — он здесь, шаг — исчез, оставив лишь дрожащий контур, шаг — возник на полметра левее и на два метра ближе.

— Умные, падальщики, — пробормотал Вадим. Левая рука скользнула к поясу, проверяя латунный отвес. Тот действительно начал мелко вздрагивать, отклоняясь от центрального маркера на полтора миллиметра.

Резонанс медленно полз вверх: `[14/55]... [15/55]...`

Мало. На два одиночных выстрела энергии впритык, но кружащий волк двигался со слишком высокой угловой скоростью. Зрительная труба имела узкое поле зрения — поймать его перекрестьем на такой скорости с помощью микрометрических винтов было физически невозможно. Не хватит скорости вращения алидады.

А вожак уже подобрался на дистанцию шести метров. Его мутные глазницы вспыхнули ядовито-зеленым пламенем. Он готовился к финальному фазовому скачку прямо на окуляр прибора, чтобы разнести оптику вместе с головой топографа.

— Хотите динамики? — осклабился Вадим, и в глазах его сверкнул недобрый, профессиональный азарт старого маркшейдера, которому пьяные проходчики пытались доказать, что забой ушел в сторону «всего на пару лаптей». — Будет вам динамика. Метод засечки по движущимся ориентирам. Способ профессора Красовского, модифицированный полевыми условиями.

Вадим опустил руку в брезентовую сумку на бедре и извлек три тяжелых предмета.

Это были геодезические шпильки — толстые тридцатисантиметровые стержни из закаленной инструментальной стали, оголовки которых венчали миниатюрные призматические отражатели из искусственного граната. Обычно их использовали для закрепления временных реперов и разбивки базисных линий на сыпучих грунтах.

Взмах широкой ладонью — и первая шпилька со свистом ушла влево, вонзаясь точно в край гранитной полосы в трех метрах от штатива.

Второй взмах — вторая шпилька с металлическим щелчком вошла в камень справа.

Третья — далеко вперед, прямо под лапы медленно наступающему вожаку.

Три точки. Три жестко зафиксированных базиса.

Вадим резко перевел тумблер на левой стойке теодолита из положения «Визирование» в положение «Тахеометрическая круговая развертка».

[Внимание: изменение режима работы инструмента.]

[Обнаружены пассивные отражающие световозвращатели: 3 ед.]

[Формирование локальной триангуляционной сети...]

[Требуется подтверждение привязки базиса.]

— Привязывай намертво! — гаркнул Вадим. — Замкнуть треугольник погрешностей!

Он ударил ладонью по верхней пластине алидады, заставляя зрительную трубу теодолита бешено вращаться вокруг вертикальной оси.

Обычно теодолит вращают медленно, плавно, зажав дыхание. Но в конструкции «ЗТМ-А1» был заложен аварийный маркшейдерский контур для работы в условиях обрушения горных выработок.

Раскрученная оптическая головка издала тонкий турбинный свист. Сквозь линзы во все стороны брызнули веерные лазерные лучи. Отражаясь от трех стальных шпилек, лучи не рассеялись в тумане — они замкнулись в жесткую, геометрически безупречную пирамиду из рубиново-красных световых нитей, внутри которой оказался сам Вадим, его штатив и оба оставшихся хищника.

Это был триангуляционный контур замкнутого полигона.

И внутри этого контура законы астрального Морока перестали действовать вовсе.

Кружащий волк, несшийся по дуге с бешеной скоростью, влетел в одну из граней этой невидимой геометрической клетки. Воздух мгновенно загустел, превращаясь для зверя в вязкую смолу. Его фазовое размытие сорвало, как ветром срывает бумажный фантик. Иллюзии лопнули. Зверь проявился целиком — костлявый, перекошенный, беспомощно скребущий когтями по воздуху, плотность которого внезапно стала равна плотности железобетона.

[Объект №2 зафиксирован в створе между Репером-1 и Репером-2.]

[Поправка за кривизну пространства: 0.000.]

[Угловая скорость цели принудительно обнулена.]

Вожак стаи, осознав ловушку, издал панический визг и попытался совершить вертикальный фазовый скачок, уйдя в верхние слои тумана.

Но третья шпилька, вбитая прямо перед ним, держала верхнюю вершину пирамиды. Стоило зверю подпрыгнуть на полметра, как луч, соединяющий шпильку с вершиной теодолита, хлестнул его по брюху, оставляя глубокий дымящийся след абсолютной фиксации. Тварь рухнула на брюхо, прижатая к граниту невыносимой гравитационной массой собственного зафиксированного веса.

— Вот и погуляли, — холодно произнес Вадим.

Турбина вращения замедлила бег. Зрительная труба щелкнула стопорным винтом, остановившись точно на застывшем в световой сетке круговом волке.

Вадим даже не стал смотреть в окуляр. Координаты цели были вычислены триангуляционной сетью автоматически и выведены на цифровое табло наводки.

— Отсчет по горизонтальному кругу: 114 градусов, 38 минут. Дистанция — шесть сорок пять. Уничтожить.

Палец нажал гашетку.

Короткий белый импульс вспорол воздух. Второго волка разорвало на куски прямо в воздухе — без воплей, без агонии. Он просто рассыпался градом известковой крошки, которая с сухим шелестом осыпалась на камни.

[Уничтожена сущность: Грезовый волк (Уровень 3).]

[Получено опыта: 90 ед.]

Остался только вожак.

Крупный зверь лежал у подножия третьей шпилки. Он тяжело, хрипло дышал, из его пасти текла мутная пена, но в безглазой морде все еще читалась слепая, утробная ненависть порождения бездны к живому разуму. Кристаллический нарост на его холке яростно пульсировал, пытаясь накопить энергию для последнего пространственного разрыва.

Вадим медленно подошел к зверю, не вынимая штатива из земли. В его руке блеснул полуметровый стальной геодезический штырь с острым закаленным жалом.

— Ты красивый экземпляр, — негромко сказал маркшейдер, глядя сверху вниз на хрипящую тварь. — Редкая форма кристаллического вырождения Морока. В земных недрах такое называют «ложной рудной жилой». С виду блестит, а на поверку — пустая порода и серный колчедан.

Волк дернулся, пытаясь достать сапог человека зубами, но граница триангуляционной сетки держала его намертво.

Вадим поднял штырь острием вниз, точно совмещая его с направлением отвеса, падающего от центра тяжести кристалла на холке зверя.

— Засечка третья. Высотная привязка к нулевому горизонту.

Удар был коротким, точным и поставленным — так горные мастера забивают клинья в трещину монолита, чтобы отколоть породу строго по слою спайности.

Стальное жало вошло точно в центр кристалла на холке вожака.

Тварь забилась в беззвучной судороге. По кристаллу побежали глубокие фиолетовые трещины. Из них хлынул не яд и не кровь, а плотный поток искрящегося серебристого света — чистая, сконденсированная ментальная энергия, лишенная формы и воли.

Секунда — и тело вожака осыпалось серой золой, оставив на граните лишь расколотый надвое граненый кристалл, переливающийся изнутри мягким лазурным сиянием.

[Уничтожен лидер стаи: Грезовый волк-альфа (Уровень 4).]

[Получено опыта: 180 ед.]

[Внимание! Накоплен достаточный объем когнитивного и полевого опыта.]

[Ваш уровень повышен! Текущий уровень: 3.]

[Получены свободные характеристики: 3 очка распределения.]

[Получено очко профессионального навыка: 1.]

[Внимание: Триангуляционный контур успешно замкнут с нулевой невязкой. Качество геодезической сети: Высокое.]

Воздух вокруг внезапно очистился.

Тяжелый, давящий туман в радиусе пятнадцати метров от теодолита словно смело гигантской невидимой метлой. Серая мгла отступила, обнажив чистое, темно-фиолетовое небо, усыпанное блеклыми, холодными звездами, не принадлежащими ни одному земному созвездию. Гранитная полоса под ногами Вадима больше не казалась узким карнизом над пропастью — теперь это была устойчивая, монолитная площадка правильной треугольной формы, зафиксированная тремя стальными шпильками.

Вадим тяжело перевел дух. По лбу катился едкий, холодный пот, заливая глаза. Он вытер лицо тыльной стороной рукава брезентовой штормовки и взглянул на свои показатели:

[Характеристики субъекта:]

[Имя: Вадим Озеров]

[Класс: Топограф-Маркшейдер Сновидений (Ранг: Практик)]

[Уровень: 3]

[Астральный Резонанс: 8/55 (Внимание: близко к истощению!)]

[Когнитивная Стабильность: 96%]

[Нераспределенные очки: 3]

— Так, сопли подтереть, отдышимся на пенсии, — скомандовал сам себе инженер, глядя на таймер спасения.

Таймер неумолимо сокращался:

[Время до критической дезинтеграции сигнатуры: 06 мин. 44 сек.]

[Когнитивная матрица цели: 6.1% (Критический порог!).]

[Дистанция до источника сигнала: 24 метра по азимуту 358°.]

Шесть с половиной минут. Шесть процентов матрицы. Это означало, что личность умирающего уже начала распадаться на бессвязные лоскуты памяти. Еще немного — и там останется лишь пустая телесная оболочка, которую туман переварит без остатка за считанные мгновения.

Вадим быстро распределил полученные очки. Времени на глубокие размышления не было:

Два очка ушли в **Астральный Резонанс**, поднимая верхнюю планку запаса сил до 65 единиц и мгновенно восстанавливая двадцать очков из-за скачка уровня. Одно очко он

снова отправил в ****Когнитивную Стабильность**** — после ментального боя волков голова неприятно гудела, а ясный ум маркшейдеру был нужен больше, чем мускулы.

****[Астральный Резонанс: 28/65.]****

****[Когнитивная Стабильность: 100%.]****

Нагнувшись, Вадим поднял с камня расколотый кристалл жоака. Система тут же выдала описание:

****[Трофей: Расколотое Сердце Фазового Жоака (Ранг: Необычный).]****

****[Тип: Материал / Катализатор пространственной стабилизации.]****

****[Эффект: При использовании в качестве призмы теодолита увеличивает дальность прямой засечки на 15 метров и снижает расход Резонанса на 10%.]****

— А вот это дельная вещь. В хозяйстве пригодится, — спрятал он кристалл в специальное бархатное отделение полевой сумки.

Теперь — инструмент.

Свернуть теодолит за секунды для опытного полевика было делом привычным. Отпустил становой винт, снял прибор со столика, уложил в гнездо тубуса, защелкнул замки. Собрал телескопические ноги штатива. Выдернул из гранита две шпильки, а третью — центральную — оставил на месте.

Пусть стоит. Это постоянный репер. Если придется отступать, назад он пойдет по жестко привязанной линии, а не по зыбкому туману.

Вскинув тубус за спину и взяв штатив в левую руку, Вадим поднял планшет.

После уничтожения стаи волков и фиксации триангуляционного треугольника туман впереди больше не заворачивался оптическими петлями. Фиолетовый луч планшета пробил пространство вперед на целых тридцать метров, уверенно и прямо чертя створ прямо к подножию циклопической структуры.

Теперь, когда морок рассеялся, Вадим наконец увидел аномалию во всем ее пугающем величии.

Это действительно была лестница. Но построена она была словно не для людей, а для титанов.

Каждая ступень была высотой почти в человеческий рост — около полутора метров — и вырублена из цельных глыб антрацитово-черного камня, напоминающего обсидиан или вулканический базальт. Поверхность камня не отражала свет, она жадно впитывала его. По вертикальным граням ступеней тянулись глубокие клиновидные борозды, внутри которых слабо, еле заметно пульсировала бледно-голубая жидкость, похожая на светящуюся кровь древнего исполнского чудовища.

Лестница уходила круто вверх, растворяясь где-то в вышине, в непроглядных грозовых тучах, клубящихся над астральным горизонтом. От одного взгляда на эту титаническую перспективу начинала кружиться голова, а вестибулярный аппарат подавал сигналы тревоги, путая понятия верха и низа.

А у подножия первой ступени, полусасыпанная серым пеплом и обломками базальтовой крошки, неподвижно лежала фигура.

Вадим ускорил шаг, двигаясь строго по проложенному фиолетовому лучу.

Через пятьдесят быстрых шагов он был на месте.

****[Время до критической дезинтеграции: 03 мин. 15 сек.])****

****[Когнитивная матрица: 3.8%!]****

Человек лежал ничком, раскинув руки.

Это был мужчина — судя по комплекции, рослый, широкоплечий воин. На нем были надеты тяжелые латные доспехи искуснойковки, изукрашенные золотой насечкой и гравированными рунами, которые сейчас были тусклыми, словно подернутыми серой плесенью. На кирасе зияли глубокие рваные борозды — следы когтей куда более крупных тварей, чем те

волки, с которыми только что разобрался Вадим. Рядом с вытянутой правой рукой бойца лежал гигантский двуручный меч с широким лезвием из матового белого сплава. Клинок был расколот поперек примерно посередине, а его рукоять обвивали иссохшие терновые побеги из потускневшего серебра.

Классический силовик. Танк или элитный штурмовик высоких уровней. Из тех гордых избранников Системы, что привыкли ломать преграды грубой мощью, сотрясать землю ударами боевых молотов и полагаться на несокрушимость своей брони.

Но здесь его броня и его меч оказались бесполезны.

Шлем воина был сорван. В тусклом свете фиолетового лазера Вадим разглядел лицо: молодой парень, лет двадцати пяти, с правильными, резкими чертами лица и короткими светлыми волосами. Кожа его была пугающе бледной, почти прозрачной — сквозь нее уже просвечивал серый туман сновидений. Тело буквально растворялось: кончики пальцев левой руки уже превратились в бесформенные дымные струйки, медленно утекающие в щели между базальтовыми плитами лестницы.

Над головой умирающего дрожал полупрозрачный системный интерфейс, мерцающий аварийным красным светом:

[Субъект: Ярослав (Ранг: Воитель Света, Уровень 19)]

[Статус: Глубокий астральный шок. Разрыв когнитивного якоря.]

[Физическое тело в базовой реальности: Кома 3-й степени (Остановка дыхания через 180 сек.).]

[Сознание теряет форму. Подчинение законам энтропии Морока — 96.2%.]

— Девятнадцатый уровень, — негромко присвистнул Вадим, опускаясь на одно колено рядом с умирающим. — В шесть раз старше меня по системной мерке. Мечом, небось, скалы мог рубить пополам. А толку? Залез в зону фазовой неопределенности без приборов, потерял точку стояния и растекся лужей. Думал, если броня толстая, то и геометрия тебя не тронет?

Парень не отвечал. Его веки слабо подрагивали, а сквозь плотно сжатые, посиневшие губы вырывался лишь еле слышный, прерывистый свист. Сознание уходило.

Вадим быстро сбросил с плеча полевую сумку. Медлить было нельзя ни секунды. Любое классическое исцеляющее зелье, даже если бы оно у него было, сейчас только убило бы парня: физического тела здесь не существовало, лечить было нечего. Растворялась сама матрица, каркас личности, удерживающий мысли в границах индивидуального «Я».

Чтобы спасти человека от растворения в Мороке, нужно было сделать только одно: вернуть ему форму. Жестко привязать его распадающееся сознание к физическим координатам пространства.

— Ладно, вояка, — проворчал Вадим, доставая из кармана разгрузочного жилета тяжелый латунный маркшейдерский отвес и длинную чертежную иглу из метеоритного железа. — Потерпи. Сейчас мы тебя на карту нанесем. Будет больно, зато перестанешь быть туманом.

Он зажал отвес в левой руке, позволив граненому берилловому конусу повиснуть ровно над серединой груди парня — там, где под разбитой кирасой слабо тлела крошечная искорка угасающего сердца.

Шнур отвеса натянулся, зазвенел от чудовищного напряжения.

Вадим поднял чертежную иглу и активировал системный навык.

— Внимание, прибор. Готовим полевую привязку живого ориентира. Точка номер один...

Глава 3. Колония Спящих

— Внимание, прибор. Готовим полевую привязку живого ориентира. Точка номер один...

Вадим плавно опустил руку, направляя кончик метеоритной иглы в основание яремной впадины умирающего. Металл не коснулся податливой плоти — он вошел в мерцающую, студе-

нистую кромку астрального тела, из которой со свистом, напоминающим утечку пара из пробитого котла, улетучивались последние крупницы системной плотности.

Воздух вокруг пальцев мгновенно загустел, обжигая ладонь ледяным покалыванием.

— Фиксация базиса по оси Z, — негромко, размеренно скомандовал Вадим в пустоту, активируя внутренний контур интерфейса. — Угол склонения: ноль-ноль-четыренадцать. Погрешность визирования — в пределах допустимого допуска третьей категории. Пошел импульс!

[Внимание! Активирован специализированный классовый навык: «Геодезический репер: Личный якорь» (Ранг 1).]

[Объект привязки: нестабильная матрица сознания (Субъект: Ярослав).]

[Попытка свести локальное искривление Морока к евклидовой сетке базовой реальности...]

[Соппротивление энтропии: Высокое. Расход запаса маны: 18 единиц в секунду].

Берилловый конус отвеса, замерший над грудью воина, вспыхнул изнутри холодным, ультрамариновым пламенем. Тончайшая крученая нить из жилы глубинной саламандры, на которой висел груз, натянулась струной и запела на ультразвуковой частоте. По ней побежали крошечные фосфоресцирующие риски — шкала верньера, проецируемая прямо в сетчатку глаз Вадима.

— Держись, мечник. Если сейчас дернешься — оторвет проекцию от туловища, и в базовом мире санитары просто зафиксируют смерть коры головного мозга, — сквозь зубы процедил топограф. В висках застучала тяжелая, раскаленная дробь.

Ярослав судорожно выгнулся. Разрушенная кираса на его груди закричала, осыпаясь серой окалиной. Из его полуоткрытого рта вырвался хриплый, утробный стон, в котором не было ничего человеческого — лишь первобытный ужас распадающегося на информационные кванты разума. Черты его лица поплыли, смазываясь, словно акварельный портрет под струей кипятка. Нос провалился, скулы на мгновение сместились влево на добрый десяток сантиметров, повинаясь искаженной топологии лабиринта.

— Куда?! Стоять на месте! Реперная точка не утверждена! — рывкнул Вадим и с силой вогнал вторую чертежную иглу прямо сквозь полуистлевшую ткань походных штанов воина в каменную плиту пола, строго под углом в сорок пять градусов.

Звякнула сталь о базальт. Высеченная искра была не рыжей, а ядовито-зеленой.

В системном зрении топографа пространство вокруг умирающего расчертилось жесткими, светящимися лазурными линиями. Они вырывались из игл, сходились в острие отвеса и оплетали быющее в агонии тело жестким геометрическим каркасом. Это не было исцелением в привычном для храмовников или знахарей смысле. Вадим не латал поврежденные энергетические каналы и не восстанавливал очки здоровья. Он делал нечто куда более фундаментальное — накладывал на хаос локальную систему координат, принуждая рыхлый, бесформенный туман подчиняться законам трехмерного пространства.

[Координатная сетка наложена. Векторы натяжения стабилизированы].

[Энтропия Морока в замкнутом контуре снижена: 96.2%... 78.0%... 43.5%... 11.8%].

[Когнитивный якорь зафиксирован в локальном грунтовой горизонте (Материковая плита Нижнего Штрека).]

[Статус субъекта: Состояние стабильно тяжелое. Кома глубокая, астральный контур изолирован. Угроза немедленной диссипации устранена].

Грудь Ярослава тяжело, со свистом опала. Лицо вновь обрело четкость — бледное, осунувшееся, покрытое липкой серой испариной, но теперь абсолютно человеческое. Энтропийный туман перестал высасывать из него крупницы света. Вокруг тела слабо мерцала прозрачная пирамидальная сетка геодезического зажима, надежно приковавшая его фантом к неподвижному камню штольни.

Вадим тяжело перевел дух, опустил на пятки и вытер рукавом взмокший лоб. Руки мелко дрожали от перенапряжения. Индикатор маны в углу обзора сиротливо мигал у отметки в четыре единицы.

— Девятнадцатый уровень... — пробормотал он, убирая катушку со шнуром обратно в подсумок и щелчком фиксируя метеоритные иглы в камне, чтобы контур не распался от случайного сквозняка. — Здоровенный бугай. Насилу геометрию удержал. Еще бы три секунды, и ловить было бы нечего: размазало бы тонким слоем по всему иллюзорному горизонту.

Он бросил быстрый взгляд на неподвижного мечника. Забрать его с собой было физически невозможно. Тащить стокилограммовую тушу в латах через зону нестабильности без специального транспорта — верное самоубийство. Оставить в контуре? Контур продержится часов шесть, максимум восемь, пока заряд в иглах не истощится под давлением фонового морока.

— Если я выберусь и сниму искажение с сектора — сам проснешься, — тихо сказал Вадим телу. — А если нет... ну, по крайней мере, твоя физическая тушка на базе умрет без мучений, просто тихо погаснет монитор.

Поднявшись на ноги, топограф поправил на плече тяжелый ремень нивелира. Колени неприятно хрустнули в гулкой, давящей тишине подземелья.

Здесь, на глубине, которую системный компас отказывался определять адекватно, показывая вместо глубины в метрах лишь плавающее значение «—1400 ± ∞ ф.о.», тишина была неестественной. Она не походила на безмолвие обычных глубоких пещер. В ней отсутствовали звуки капли, не было слышно движения подземных вод, не шуршала осыпающаяся порода. Вместо этого в уши ввинчивался низкий, вибрирующий гул — монотонный, усыпляющий, вибрирующий где-то на самой границе восприятия. Он проходил сквозь подошвы армейских ботинок, поднимался по костям голени и оседал в затылке тяжелой, липкой истомой.

Вадим мотнул головой, сгоняя наваждение, и достал из бокового кармана разгрузки плоский бронзовый картушка-компас с плавающей в маслянистой жидкости кварцевой шкалой.

Стрелка прибора не указывала на север. Она медленно, лениво вращалась, выписывая в горизонтальной плоскости приплюснутые эллипсы, словно пытаясь нащупать центр тяжести невидимой воронки.

— Фазовый градиент отрицательный, — прошептал Вадим, вглядываясь в деления. — Плотность эфира растет вниз по уклону выработки. Но порода сухая, кристаллы в стенах обессточены... Откуда приток?

Он включил налобный фонарь. Узкий конус холодного диодного света разрезал мрак, выхватывая грубо отесанные своды старой штольни. Это место явно не было природной каверной. Под ногами угадывались полусгнившие шпалы, утопленные в мелкий гранитный щебень, а по стенам тянулись ржавые кронштейны, на которых когда-то висели силовые кабели или вентиляционные рукава.

Но сейчас металл кронштейнов оплетали не кабели.

Вдоль стен, повторяя изгибы тоннеля, тянулись белесые, полупрозрачные нити, похожие на перезревшие волокна гигантской паутины или высохшие кровеносные сосуды. Они слабо пульсировали в такт низкому гулу. При каждом ударе этой неслышимой пульсации внутри нитей пробегали крошечные искры тускло-фиолетового свечения, устремляясь вперед, вглубь штольни.

— Паразитарный контур, — безошибочно определил топограф, присев на корточки и приблизив луч фонаря к одной из нитей.

Кончик луча заставил волокно лениво сжаться, словно живую ткань, раздраженную ярким светом.

***[Обнаружена сигнатура внешнего плетения: «Сонный Тенетар» (Модификация: Насос Сознания).]**

****[Школа: Морок / Эфирная гидродинамика / Искусственная летаргия.]****

****[Внимание: Атмосфера насыщена седативным психоактивным конденсатом. Рекомендуются ограничить время пребывания без изолирующего дыхательного контура.]****

Вадим натянул на нос и рот плотный респиратор с зачарованным угольным картриджем, купленный еще в Преддверии за тридцать полновесных серебряных монет. Запах прелой сырости и горького миндаля, преследовавший его последний час, мгновенно сменился сухим, стерильным воздухом фильтра.

Он зашагал вперед, стараясь наступать точно по центру полусгнивших шпал. Каждый шаг отзывался глухим стуком, мгновенно гаснущим в плотной, тяжелой атмосфере тоннеля. Стены штольни постепенно расступались. Грубая рудничная крепь из замшелых дубовых балок уступила место гладкому, словно оплавленному колоссальной температурой камню.

Спустя двести метров уклон резко увеличился. Штрек вывел Вадима к краю циклопического подземного пространства.

Топограф замер на каменном уступе, инстинктивно отступая на шаг назад и прижимаясь спиной к холодной базальтовой скале. Палец сам собой лег на тумблер налобного фонаря, приглушая яркость до минимальной.

Перед ним открывался подземный анклав.

Это был колоссальный сводчатый зал — природная каверна, расширенная и углубленная тысячами человеко-часов упорного каторжного труда. В диаметре карстовая полость достигала добрых полукилометра, а ее потолок терялся где-то в чернильной, клубящейся вышине, откуда вниз свисали гигантские известковые сталактиты, переплетенные все теми же фосфоресцирующими волокнами.

Но поражал не объем пустоты. Поражало то, что находилось внутри.

Вся чаша гигантского амфитеатра была разбита на ровные террасы, спускающиеся концентрическими кольцами к плоскому темному дну. На этих террасах ровными, безупречно выверенными рядами стояли деревянные бараки, рудомоечные желоба, штабели крепежного леса и сотни узкоколейных вагонеток, доверху нагруженных необработанной рудой. Порода в вагонетках слабо мерцала изнутри тусклым синеватым пламенем — сонный шпат, редчайший минерал, способный аккумулировать и удерживать ментальную эманацию разумных существ.

И повсюду были люди.

Сотни. Тысячи фигур.

Они не лежали в постелях и не прятались в укрытиях. Жизнь этого титанического рудника словно застыла в единый, чудовищный миг, обратившись в монумент вечной летаргии.

Прямо под уступом, на котором стоял Вадим, двое широкоплечих мужчин в грубых холщовых рубашках и кожаных фартуках замерли возле перевернувшейся вагонетки. Один из них застыл, оперевшись плечом в ржавый борт, его мышцы были напряжены, вены на шее вздулись канатами, рот был раскрыт в замершем крике команды. Второй стоял рядом с железным ломом в руках, готовый поддеть колесную пару.

Они спали.

Их глаза были плотно закрыты, дыхание было настолько редким и поверхностным, что грудные клетки едва вздымались раз в тридцать или сорок секунд. Кожа рабочих приобрела пепельно-серый, алебастровый оттенок, а по их предплечьям, шеям и вискам вились тончайшие серебристые капилляры, уходящие прямо в пол, в пористую породу подземелья.

Чуть дальше женщина-забойщица сидела на опрокинутом ящике из-под взрывчатки, уронив тяжелую кирку между колен. Ее голова запрокинулась назад, лицо было обращено к невидимому своду, а на застывших губах блуждала жуткая, неестественно блаженная улыбка. Из уголков ее закрытых глаз текли две тонкие струйки запекшейся, ставшей черной сукровицы — плата за пребывание в чужом, навязанном сне.

[Обнаружен анклав: «Горизонт Надежды» (Бывший автономный рудник Третьего Синдиката).]

[Популяция: 1 420 субъектов.]

[Статус: Массовый летаргический стазис. Плотность синаптического оттока: 99.4%.]

[Биологический износ организмов замедлен на 98.7% за счет кристаллической консервации Морока.]

[Диагноз: Паразитарная ферма сновидений.]

— Твою мать... — выдохнул Вадим через фильтр респиратора. Слово вышло глухим, сдавленным.

Он окинул взглядом колоссальный амфитеатр. Ни шороха. Ни стога. Только этот бесконечный, давящий на барабанные перепонки низкочастотный вибрирующий стон полутора тысяч легких, синхронизированных единым невидимым метрономом. Они дышали все вместе, одновременно втягивая отравленный воздух каверны и выпуская его обратно в виде легкого пара, который тут же подхватывался восходящими потоками эфира и утягивался наверх.

Над колонией, закрывая собой треть купола, висело ОНО.

Паразитическое плетение магов.

Если снизу, в штреке, оно казалось просто пучками разросшегося грибного мицелия, то здесь, в открытом пространстве, представало во всем своем чудовищном инженерном величии. Это была пространственная гиперсеть колоссальной сложности. Тысячи светящихся струн, переплетенных в сложнейшие геометрические фракталы, образовывали правильный многогранник, зависший прямо над чашей рудника.

Каждая струна брала начало от одного из спящих — тонкая игла серебристого света выходила из темени человека, поднималась вертикально вверх на высоту двадцати-тридцати метров, а затем преломлялась под прямым углом, вплетаясь в общий силовой кабель. Кабели сходились в циклопические узлы, узлы группировались в кольца, а кольца, непрерывно вращаясь друг относительно друга с едва слышным хрустальным перезвоном, передавали собранную ментальную энергию дальше — к невидимой вершине пирамиды.

Это не было стихийным проклятием диких тварей Морока. Это была высокоточная, расчетливая, безупречно спроектированная машина. Магия Высшего Круга. Архитектура архи-магов иллюзий, поставленная на промышленный конвейер.

Вадим опустился на одно колено, аккуратно снял с плеча кожаный футляр и извлек свой главный рабочий инструмент — полевой топографический нивелир-теодолит марки «Цейсс-Эфир», собранный им вручную из трофейных оптических линз и артефактных латунных шестерен. Установив треногу на неровный край карниза, он тщательно выставил инструмент по встроенным пузырьковым уровням.

— Посмотрим, кто и по каким чертежам вас тут сшил, бедолаги, — прошептал он, припадая глазом к окуляру.

Оптика теодолита была зачарована на восприятие фазовых искажений. Мир в окуляре мгновенно преобразился: физические стены каверны поблекли, став полупрозрачными, серыми призраками, зато силовые линии плетения вспыхнули ослепительным, яростным неоновым огнем.

Вадим плавно повел микрометрический винт горизонтального лимба.

Перед его внутренним взором побежали ряды цифр:

Угол места: +34°12'45".

Азимут узла Альфа-1: 112°.

Напряжение силового жгута: 4 200 стандартных мана-ампер.

Вектор градиента деформации: схождение к центру по логарифмической спирали.

— Невероятно... — невольно вырвалось у него. Как специалист, он не мог не оценить дьявольскую красоту конструкции.

Маги, создавшие эту колонию, решили сложнейшую топологическую задачу. Разум полутора тысяч человек нельзя просто слить в один чан — индивидуальные частоты мышления, воспоминания, страхи и надежды неизбежно вызвали бы разрушительную интерференцию, ментальный взрыв, который испепелил бы мозги спящих за доли секунды.

Чтобы избежать фазового коллапса, создатели ловушки распределили нагрузку по строго выверенной трехмерной решетке. Они использовали спящих шахтеров как живые параллельные процессоры. Люди видели единый, монотонный, глубокий сон, генерируя тяжелую, очищенную от эмоционального шума витальную энергию, а сложнейшая система фильтров отсекала личные эманации, преобразуя их в чистейший эфирный концентрат.

Но у любой геометрической системы, сколь бы совершенной она ни была, существует фундаментальное слабое место.

Закон сохранения топологического базиса.

Если ты связываешь полторы тысячи точек в единый замкнутый объем, ты обязан создать центр симметрии. Нулевую точку. Фокус, в котором все встречные векторы взаимно гасятся, создавая абсолютный покой, иначе вся конструкция войдет в механический резонанс и разорвет сама себя.

Именно туда, в эту нулевую точку, стекался весь собранный концентрат перед тем, как быть отправленным заказчикам этого кошмара.

— Если рубануть наугад любой из внешних жгутов, — размышлял вслух Вадим, наводя перекрестье нитей на массивное соединение над третьей террасой, — произойдет мгновенный гидравлический удар по обратной связи. Нагрузка перераспределится на соседние узлы, и у пяти сотен шахтеров просто разорвет черепные коробки от обратного тока ментальной плазмы. Рубить нельзя. Рассеивать нельзя.

Он прикусил нижнюю губу, чувствуя во рту знакомый металлический привкус перенапряжения.

— Нужно найти фокус. Геометрический центр распределения. Точку сборки всего плетения.

Он вытащил из сумки полевой журнал в непромокаемом коленкором переплете и химический карандаш. Перекрестье окуляра методично перемещалось от одной узловой связки к другой. Вадим диктовал сам себе показания лимбов, записывая углы и приблизительные дистанции, вычисляемые по параллаксу фазовых смещений.

Точка А: узел первой террасы, правый фланг. Координаты в условной сетке: $X=142$, $Y=88$, $Z=+45$.

Точка В: карстовый свод, левый дренажный разлом. $X=-210$, $Y=340$, $Z=+112$.

Точка С: центральный шурф, перегрузочная эстакада. $X=012$, $Y=-045$, $Z=-15$.

Его карандаш летал по бумаге, вычерчивая сложнейшую схему пространственной триангуляции. Линии пересекались, образовывали треугольники погрешностей, смыкались в плотные эллипсы неопределенности.

Но что-то не сходилось.

Вадим оторвался от окуляра, протер слезящийся глаз тыльной стороной ладони и посмотрел на схему.

— Бред какой-то... — пробормотал он.

По всем законам классической геодезии и начертательной геометрии, лучи схождения основных силовых артерий должны были пересекаться прямо над центром чаши, на высоте около сорока метров над днищем карьера — там, где в воздухе висела массивная гроздь из черных граненых кристаллов, пульсирующая густым багровым светом.

Любой дурак — любой штурмовой маг, паладин или мечник девятнадцатого уровня вроде того же Ярослава — войдя сюда, первым делом ударил бы именно по этой багровой грозди. Она так и просилась под удар: яркая, доминантная, демонстративно пульсирующая посреди зала, словно сердце чудовища.

Но цифры на чертеже Вадима упрямо твердили об обратном.

Векторы натяжения, подходившие к багровой грозди, не несли полезной нагрузки. Напряжение в них было минимальным — ровно столько, чтобы поддерживать визуальную иллюзию и яркое свечение.

— Ложная цель... — Вадим даже присвистнул сквозь клапан респиратора. По его спине пробежал неприятный холодок. — Они создали фальшивый фокус. Защитная ловушка четвертого ранга. Если какой-нибудь герой-освободитель шарахнет по этой грозди заклинанием или швырнет зачарованное копьё, сдетонирует скрытый фугас астрального резонанса. И весь этот зал, вместе со всеми спящими и самим героем, схлопнется в сингулярность, похоронив свидетелей.

Дьявольский расчет. Безупречная подлость.

Создатели колонии прекрасно знали повадки высокоуровневых игроков и боевых магов. Те привыкли бить по самому яркому маркеру интерфейса, не утруждая себя расчетами и анализом структуры поля.

— Ладно, господа магистры, — оскалился Вадим, чувствуя, как в крови закипает чисто профессиональный, охотничий азарт геодезиста, разгадавшего обман недобросовестного застройщика. — Давайте поищем, куда вы спрятали настоящий репер.

Он вернулся к теодолиту, но теперь снял стандартный окуляр и навинтил на его место поляризационную призму из исландского шпата, вымоченного в слезах оракула — редчайшую деталь, стоившую ему половины состояния на аукционе в Городе Мостов.

Картинка в видоискателе радикально изменилась.

Яркие багровые и серебряные жгуты померкли, превратившись в серые полупрозрачные тени. Но зато в пространстве проявились скрытые, теневые силовые линии — тончайшие, абсолютно черные нити, поглощающие свет. Они не светились, они не излучали тепла или маны. Напротив, они работали на всасывание, обладая отрицательной оптической плотностью.

Эти черные нити не шли к центральной люстре. Они уходили вниз, скользя вдоль несущих базальтовых колонн, ныряли под полусгнившие настилы эстакад и собирались...

Вадим медленно перевел перекрестье прибора в самый темный, невзрачный угол каверны.

Там, под нависающим козырьком обвалившейся породы, куда не долетал даже слабый отсвет сонных кристаллов, стояла старая, покосившаяся кузница. Заваленная шлаком крыша, проржавевшая наковальня у входа, гора брошенных молотов и закопченный каменный горн, давно погасший и холодный.

Абсолютно бытовое, фоновое место, на которое человеческий глаз, привыкший искать эпическое и магическое, не обратил бы внимания ни при каких обстоятельствах.

Но именно туда, прямо в холодное жерло этого убогого кузнечного горна, сходились все истинные нити распределения нагрузки.

Вадим замер, не отрывая взгляда от окуляра, и начал быстро вычислять координаты точки максимальной кривизны пространства.

Смещение по оси X: +312.4 метра.

Смещение по оси Y: -185.0 метров.

Отметка горизонта Z: -12.3 метра относительно нулевого уровня штольни.

Погрешность замкнутого полигона: 0.004 секунды дуги.

Сомнений не было.

Истинный геометрический центр паразитического плетения находился внутри этого кузнечного горна. Там, скрытый под слоем иллюзорной золы и битого кирпича, лежал настоящий фокальный накопитель — сердце механизма, высасывающего души полутора тысяч заживо погребенных шахтеров.

Вадим медленно выпрямился, чувствуя, как затекли плечи и шея от долгой неподвижности.

Картина прояснилась целиком. Ловушка была гениальна, но теперь, когда ее каркас был нанесен на полевую карту, она потеряла свою неуязвимость. Любая сложная система хрупка ровно настолько, насколько уязвим ее геометрический центр. Лиши ее точки опоры — и колоссальное внутреннее напряжение, аккумулированное тысячами метров силовых жгутов, сделает всю работу за тебя.

Топограф аккуратно свинтил теодолит с треноги, уложил оптику в мягкий бархатный ложемент футляра и защелкнул латунные замки.

Затем он проверил крепление разгрузочного жилета, поправил на бедре тяжелый маркшейдерский топорик с длинным клювом-киркомотыгой и вытащил из подсумка три оставшиеся иглы из метеоритного железа.

Ему предстояло спуститься вниз, пройти сквозь застывший строй сотен спящих людей, не потревожив натянутые в воздухе нити чужих сновидений, и добраться до старой кузницы.

Там, в точке схождения невидимых осей, лежала разгадка этой подземной фабрики кошмаров. И Вадим собирался нанести на нее свои собственные, окончательные координаты.

Глава 4. Разрыв Координат

Спуск по отвесному уступу требовал филигранной точности движений. Один неверный шаг, одна осыпавшаяся из-под кованого носка ботинка каменная крошка — и акустическая волна в замкнутом пространстве подземной галереи могла резонировать с натянутыми струнами морока.

Вадим двигался размеренно, словно работал на подвесной люльке вдоль фасада высотного дома при ураганном ветре. Мышцы спины и бедер помнили сотни подобных спусков в карстовые провалы и заброшенные штольни Старого Мира, но там законы гравитации оставались неизменными константами. Здесь же, в радиусе полукилометра от проклятого горна, пространство вело себя как вязкое желе, готовое промяться под тяжестью неосторожной мысли.

Разгрузочный жилет плотно облегал торс. Жесткий брезент цвета прелой хвои пах оружейным маслом, мелом и сухой полынью — терпким порошком, которым Вадим пересыпал кожаные прокладки в футляре теодолита для защиты от сырости. С каждым метром спуска воздух становился плотнее. Он терял прозрачность, превращаясь в мутную взвесь, в которой плавали светящиеся фиолетовые нити.

«Внимание: вход в зону высокой концентрации онирического поля.

Плотность психо-эфира: 84.7 единиц/м³.

Эффект среды: "Когнитивная дифракция" (вероятность искажения восприятия пространственных ориентиров — 42%).

Текущий статус Воли: 78/80. Стабильно».

Интерфейс мерцал у края сетчатки неярким янтарным светом. Вадим смахнул предупреждение коротким движением зрачка влево. Ему не нужны были подсказки Системы, чтобы понимать: реальность вокруг трещит по швам.

Он спрыгнул на дно штольни бесшумно, спружинив в коленях и тут же переместив центр тяжести вперед. Подошвы коснулись не твердого песчаника, а податливой, упругой субстанции, напоминавшей спрессованный мох. Но взгляд сквозь активированный пассивный навык *[Маркшейдерское зрение]* показал истину: под слоем иллюзорного дерна лежали замусо-

ренные рельсы узкоколейки, покрытые толстым слоем мазута, слежавшейся угольной пыли и осколками крепежного бруса.

Вадим замер, выравнивая дыхание через нос.

Перед ним раскинулся живой погост.

Полуторакилометровый тоннель главной откаточной штольни был забит людьми. Полторы тысячи шахтеров застыли в нелепых, неестественных позах, застигнутые мороком врасплох в тот самый миг, когда обвал отрезал их от ствола шахты. Некоторые стояли, навалившись всем телом на рукояти заклинивших буровых штанг. Другие замерли на коленях перед опрокинутыми вагонетками, их пальцы впились в ржавый металл, побелели и одеревенели. Были и те, кто сидел, прислонившись спиной к крепежным стойкам, запрокинув головы к своду.

Их глаза были широко распахнуты. Зрачки — мутные, подернутые белесой катарактой морока, — не реагировали на движение. Но под тонкими веками непрерывно дрожали глазные яблоки, выдавая бешеную, изматывающую фазу непрекращающегося кошмара.

Из каждого затылка, из каждой теменной кости в воздух поднимался мерцающий стебель толщиной в палец. На высоте трех метров над полом штольни эти стебли истончались, расплетались на тысячи паутинных волокон и сплетались в колоссальную, медленно пульсирующую крону. Это было похоже на перевернутый лес из полупрозрачных неоновых жил, по которым лениво перекачивались тусклые сгустки фосфоресцирующей плазмы. Каждая пульсация сопровождалась низким, утробным гулом на грани слышимости — частотой около двенадцати герц, резонирующей с человеческим черепом.

«Обнаружена замкнутая трофическая сеть сновидений.

Источник питания: витальный ресурс носителей (КПД выкачки: 91.4%).

Прогнозируемое время до полной диссипации сознания реципиентов: 38 часов 14 минут».

— Ничего, мужики, — едва слышно шепнул Вадим одними губами, не размыкая зубов. — Сейчас мы вам поправим горизонт.

Он двинулся вперед, выверяя каждый шаг по невидимой сетке координат, которую удерживал в памяти.

Идти сквозь этот строй живых мертвецов было физически тяжело. Пространство сопротивлялось. Натянутые между людьми нити чужих грез образовывали лабиринт столь плотный, что порой Вадиму приходилось прогибаться назад, касаясь ладонью замасленных шпал, или втягивать живот, протискиваясь в зазор шириной в пару ладоней между двумя остекленевшими забойщиками.

Если коснуться хотя бы одной нити плечом, по всей системе пройдет гармонический импульс. Координаты дрогнут, горн уйдет в защитную гиперболическую складку, и тогда вытащить отсюда людей уже не удастся ни топографу, ни архимагу.

Слева от него стоял могучий забойщик в брезентовой робе с оторванным рукавом. Его широкая грудь мерно вздымалась, но дыхание было сухим, хриплым, с металлическим присвистом. На массивной шее пульсировали багровые вены, а прямо из яремной впадины тянулся жгут, уходящий вперед — туда, где во тьме угадывались очертания старой кузницы.

Вадим скользнул под его мускулистой рукой, занесшей тяжелый отбойный молоток, ощутив затылком жар чужой агонии. В ушах на мгновение зазвенели чужие крики: темнота, треск ломающейся крепи, удушливая пыль, мольба о глотке воды...

«Внимание: попытка наложения статуса "Индуктивный кошмар".

Спасбросок по характеристике "Топологический расчет": УСПЕХ.

Ментальный вектор рассеян на опорные реперы геодезического пояса.

Вадим тряхнул головой, сбрасывая липкую паутину чужого страха. Его мысли оставались холодными, сухими, сведенными к формулам и цифрам. Прямая геодезическая задача. Обратная геодезическая задача. Теодолитный ход. Увязка невязок. Пространство — это всего

лишь матрица чисел. Если ты контролируешь базис, ты контролируешь всё, что внутри него существует.

Через двести шагов штольня расширилась, образовав округлую камеру со следами старой разработки. Здесь когда-то располагался ремонтный пункт участка: ржавый остов токарного станка, груда тупых коронок от перфораторов, верстак с разбитыми тисками.

И в самом центре этого хаоса высился кузнечный горн.

В обычной оптике он казался ничем не примечательной грудой дикого камня и потрескавшегося огнеупорного кирпича. Мехи из грубой свиной кожи свисали дохлым мешком, сопло забилося золой, а на квадратной наковальне толстым слоем лежал бурый налет ржавчины.

Но сквозь *[Маркшейдерское зрение]* Вадима открывалась чудовищная, захватывающая дух картина.

Все тысячи фиолетовых нитей, выходявших из голов застывших шахтеров, в этой точке скручивались в один невероятно плотный жгут. Он напоминал многожильный силовой кабель диаметром больше метра, который спиралью вкручивался прямо в раструб мертвого очага. Там, в непроглядной черноте зольника, бешено вращался полупрозрачный октаэдр размером с кулак взрослого мужчины.

Это и был фокальный накопитель — ядро иллюзии, ее гравитационный и пространственный якорь. Он пульсировал в противофазе с дыханием шахтеров, всасывая в себя их жизненную силу и взамен выбрасывая волны искажения, искривлявшие метрику забоя.

«Цель идентифицирована: Автономный фокальный контур "Узел Мнемозины" (Ранг: Реликтовый).

Класс: Пространственно-ментальный паразит.

Структурная прочность ядра: 12 000 / 12 000.

Физическая защита: АБСОЛЮТНАЯ (объект находится вне локальной фазы пространства).

Уязвимость: Фазовое рассогласование опорных осей».

Вадим усмехнулся углом рта, стягивая с рук тонкие замшевые перчатки и бросая их в карман.

— Абсолютная защита, говорите? — пробормотал он, снимая с бедра тяжелый маркшейдерский топорик. — Плавали, знаем. Физика у вас абсолютная только до тех пор, пока геометрия евклидова. А если ей переломать хребет...

Он опустился на одно колено и расстегнул жесткий брезентовый подсумок на поясном ремне. На свет появились три длинные иглы из метеоритного железа. Каждая была длиной в сорок сантиметров, граненая, с глубокими гравированными рисками нониуса вдоль тела и массивным оголовьем, на котором тускло мерцали серебряные насечки триангуляционных марок.

Это были не просто гвозди. Это были *[Геодезические штыри абсолютного базиса]* — артефакты, выкованные в кратере упавшей звезды на нулевом горизонте Первой Террасы. Материал, из которого они были сделаны, обладал уникальным свойством: он не имел собственной пространственной памяти и намертво фиксировал ту метрическую сетку, которую в него вкладывал оператор.

Вадим разложил их на брезенте веером.

Смещение по оси X: +312.4 метра.

Смещение по оси Y: -185.0 метров.

Отметка горизонта Z: -12.3 метра.

Чтобы обрушить морок, нельзя было просто разбить накопитель молотом. Удар бы прошел сквозь пустоту, поскольку октаэдр сместили в подпространственный карман на двенадцать метров глубже истинного уровня пола. Нужно было сделать другое: создать вокруг горна искусственную, принудительную систему координат, чьи оси не совпадали бы с кривизной морока,

и резким математическим сдвигом вернуть точку фокуса обратно в трехмерный физический мир.

В ту же секунду колоссальное внутреннее напряжение скрученных нитей разорвет накопитель изнутри.

Вадим встал, держа в левой руке первую иглу, а в правой — топорик с удлинённым стальным клювом.

Первая точка — начало отсчета. Станция «Альфа». Ось Х.

Он отмерил от основания горна ровно три метра сорок два сантиметра строго на северо-запад, ориентируясь по гироскопической шкале, вшитой в интерфейс. Здесь, между двумя растрескавшимися шпалами, виднелась естественная расселина в скальном основании.

Вадим установил острие первой метеоритной иглы точно в трещину, выставил вертикаль по встроенному в предплечье жидкостному уровню и с силой опустил обух топорика.

Дзинь!

Звук получился странным — не глухим ударом железа о камень, а тонким, хрустальным перезвоном, будто он забил гвоздь в ледяную гладь замерзшего озера. От острия иглы по полу штольни веером разбежались синие искры. Камень взвыл.

«Установлен постоянный репер № 1 (Базис-Х).

Координатная привязка зафиксирована.

Локальная погрешность: 0.0001 мм».

Фиолетовые нити над головой дернулись. Низкий гул на мгновение сбился с ритма, сменившись визгливым диссонансом. Октаэдр внутри горна закрутился быстрее, выбрасывая багровые сполохи.

Вадим не обратил на это внимания. Он уже шагнул во вторую точку.

Станция «Бета». Ось Y.

Ровно четыре метра восемнадцать сантиметров под углом в сто двадцать градусов к первому лучу. Здесь пол был завален битым кирпичом и шлаком. Вадим яростным пинком тяжелого ботинка расчистил площадку до монолитного гранита, приставил вторую иглу и нанес два коротких, хлестких удара.

Дзинь! Дзинь!

Камень вспыхнул лазурным огнем. Между первой и второй иглой прямо в воздухе натянулась тончайшая, светящаяся золотом струна — геодезический базис. Как только она замкнулась, воздух вокруг горна стал видимым. Он пошел рябью, словно над раскаленным асфальтом, а фальшивая кладка печи начала мерцать, обнажая то, что скрывалось за ней: пульсирующий мешок из сырого, сочащегося эктоплазмой мяса.

«Внимание! Обнаружена паразитическая интерференция.

Система безопасности "Узла Мнемозины" переходит в активный режим.

Инициирована ментальная контратака "Фантомный обвал"!»

Свод штольни над головой с грохотом треснул. На Вадима обрушилась лавина колоссальных каменных глыб весом в десятки тонн каждая. Воздух наполнился удушливой пылью, скрежетом сминаемого железа и воплями погибающих людей.

Вадим даже не поднял головы.

Его взгляд был прикован к показаниям внутреннего угломера.

«Фантомная масса: 0 кг.

Плотность кинетического вектора: 0 Па.

Заключение: оптико-тактильная фикция».

Огромный гранитный валун пролетел сквозь его плечо, рассыпавшись холодным серым дымом и запахом озона. Иллюзия пыталась заставить его сойти с места, сбить шаг, нарушить геометрию построения. Дилетант бы отпрыгнул в сторону, покатился по шпалам, запутался в паутине нитей и стал очередным овощем в строю спящих.

Но топограф верит не глазам. Топограф верит измерениям.
Станция «Гамма». Ось Z. Вертикальное замыкание полигона.

Вадим подошел к горну вплотную. Жар, исходящий от него, был не тепловым — он обжигал кожу ледяным холодом абсолютного вакуума. Накопитель почувствовал смертельную угрозу. Фиолетовые жгуты над головой натянулись, как якорные цепи в шторм, из горна вырвался сноп черных молний, ударивших в свод. Спящие шахтеры синхронно застонали, сотни тел выгнулись дугой, пальцы скрючились, царапая камень.

— Терпите, мужики, — процедил Вадим. Сквозь ноздрю по верхней губе поползла тонкая струйка теплой крови — плата за сопротивление ментальному давлению ядра. — Сейчас будет громко.

Третья игла легла точно под основание горна, в точку пересечения силовых линий, которую он вычислил с точностью до четвертого знака после запятой.

Вадим перехватил топорик обеими руками.

В его статусной строке замигал значок классового навыка:

«Доступен навык: [Принудительная ректификация координатной сетки] (Уровень 8).

Требуемый ресурс: 150 единиц Маны, 40 единиц Бодрости.

Штраф за провал: Пространственная дислокация оператора (распыление на атомы).

Вероятность успеха при текущих погрешностях: 99.87%.

Активировать?»

— Активировать с максимальным коэффициентом жесткости, — выдохнул Вадим.

«Принято. Внимание: смена локального базиса через 3... 2... 1...»

Обух топорика с глухим громовым треском врезался в оголовек третьей метеоритной иглы.

Мир на долю секунды замер. Исчезли все звуки: затих гул онирического поля, смолкли стоны задыхающихся людей, перестали падать иллюзорные камни. Даже пылинки в воздухе застыли неподвижными блестками.

Между тремя вбитыми штырями вспыхнул ослепительный правильный треугольник серебряного пламени. Три золотые координатные оси — X, Y и Z — толщиной в палец пронзили пространство, вгрызаясь в породу, рассекая невидимые слои реальности, как скальпель анатома разрезает мягкие ткани.

Вадим держал рукоять топорика, чувствуя, как через сталь в его руки вливается чудовищная отдача. Мышцы звенели, сухожилия натягивались до предела, кости предплечий трещали под нагрузкой полутора терапаскалей пространственного напряжения.

— Встать на место! — взревел он, вбивая в интерфейс финальную команду пересчета. — Твои координаты: ноль! Ноль! Ноль!

И он провернул топорик по часовой стрелке, замыкая контур.

ХЛОП.

Звук был негромким, но он потряс саму основу мироздания. Так схлопывается идеальный вакуумный пузырь, когда в него врывается атмосферное давление.

Пространство вокруг кузнечного горна вывернулось наизнанку.

Октаэдр фокального накопителя, насильно выдернутый из своего подпространственного кармана с отметки -12.3 метра на нулевой горизонт штольни, материализовался прямо в центре серебряного треугольника. Но физические законы трехмерного мира оказались безжалостны: геометрическая точка, которую он занимал, уже была занята монолитным кварцевым основанием штольни.

Два физических объекта не могут одновременно находиться в одних и тех же координатах.

Накопитель не выдержал интерференции. По его идеально гладким черным граням побежали ветвистые трещины ослепительно белого света.

Натянутые нити сновидений, лишившись опоры, среагировали мгновенно. Тысячи километров силовых жгутов, накопленных за месяцы выкачки душ, сжались со скоростью звука, превратившись в колоссальную пращу, бьющую точно в центр своей собственной системы.

КР-Р-РАХ!

Черный октаэдр взорвался миллионом стеклянных брызг.

Но это был не механический взрыв. Это был разрыв иллюзии.

От горна во все стороны ударила упругая, полупрозрачная волна радужного сияния. Она прокатилась по штольне, сдирая морок, словно старые обои со стены.

Там, где проходила волна, реальность обнажалась во всей своей неприглядной, грубой и прекрасной простоте. Исчезли фиолетовые светящиеся джунгли над головой. Ложная высота свода в двадцать метров с грохотом «упала», оказавшись стандартным трехметровым штреком с закопченными арочными крепями. Фальшивые пласты драгоценной руды на стенах осыпались серой глиной и мокрым сланцем. Воздух, секунду назад пахнувший горным озоном и цветами забвения, мгновенно стал тяжелым, спертым, наполненным запахом застарелого пота, машинного масла, карбида и сырой земли.

И самое главное — нити.

Миллионы фиолетовых волокон лопнули одновременно. Звук напоминал треск рвущегося шелка, многократно усиленный эхом тоннеля. Они растаяли в воздухе хлопьями мыльной пены, опадая на плечи людей серебристой, мгновенно испаряющейся пылью.

Вадима отбросило назад. Он пролетел метра три и тяжело врезался спиной в деревянную стойку крепи, сбив дыхание. Топорик со звоном отлетел на рельсы. Перед глазами заплясали разноцветные круги, а интерфейс буквально захлебнулся потоком системных сообщений:

«ВНИМАНИЕ! Локальная структура пространства нормализована.

Фокальный узел "Узел Мнемозины" ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖЕН.

Плетение "Лабиринт Иллюзий" (Сектор 7) рассеяно.

Получено опыта: 850 000.

Внимание! Получен новый уровень: Топограф Сновидений (Ур. 119 -> Ур. 120).

Характеристика "Топологический расчет" увеличена на +12.

Характеристика "Пространственная интуиция" увеличена на +8.

Получено достижение: [Разрушитель Ложных Миров] (Ранг: Эпический).

Репутация с фракцией "Вольные Старатели Подземья": Превознесение (+15 000).

Спасенных душ: 1 482 / 1 500.

Потери при декомпрессии поля: 18 (необратимая диссипация до начала операции)».

Вадим сел на грязных шпалах, прислонившись затылком к шершавому бревну, и шумно выдохнул, сплюнув кровь. В груди саднило, мана была выжжена почти досуха — в резерве плескались жалкие семь единиц, — но голова была ясной. Хрустально чистой, какой она бывает только после идеально выполненной геодезической съемки сложнейшего рельефа.

Он нашарил на поясе флягу, свинтил крышку и сделал жадный глоток горьковатого тонизирующего настоя корня мандрагоры. Живительное тепло обожгло пищевод, разгоняя сковавшую мышцы судорогу.

А затем штольня наполнилась звуками.

Это не были крики ужаса. Это были звуки возвращения к жизни.

Сначала — глухой стук. Это выпал из онемевших пальцев забойщика тот самый тяжелый отбойный молоток, под которым Вадим проходил несколько минут назад. Следом со звоном посыпались лопаты, кирки, монтажки.

Раздался первый, мучительный, судорожный вздох. Человек хватал ртом воздух так, словно вынырнул с тридцатиметровой глубины, пробыв под водой слишком долго.

— Кх-х... кха! Господи... темно-то как...

— Вася? Вася, ты где?!

— Ноги... я ног не чувю... завалило?!

Штольня взорвалась стонами, кашлем и испуганными криками. Полторы тысячи человек, выдернутых из многомесячного морока обратно в свои истощенные, грязные, измученные тела, падали на колени, хватались за головы, слепо шарили руками вокруг себя. Иллюзия кормила их ложными образами сытости, тепла и покоя, но теперь, когда иллюзорный покров спал, на них разом обрушилась вся правда: обезвоживание, дикая мышечная атрофия, холод подземных вод и крошечная тьма.

Фонари на их касках давно сели. Единственным источником света в тоннеле оставались три метеоритные иглы Вадима, продолжавшие тускло светиться спокойным сапфировым светом, обозначая границы разрушенного очага.

Вадим поднялся на ноги, пошатываясь от слабости. Он подобрал свой топорик, загнал его в петлю на бедре и достал из разгрузки мощный карбидный фонарь с зеркальным отражателем. Чиркнуло кресало. Вспыхнул яркий, резкий луч белого света, рассекая вековую пыль забоя.

— Не паниковать! — голос Вадима, усиленный пассивным навыком *[Командный голос маркшейдера]*, прокатился под сводами штольни гулким набатом, перекрывая поднимающийся гомон. — Обвала нет! Повторяю: завала нет! Вы находитесь в главной откаточной штольне седьмого горизонта!

Крики начали стихать. Люди инстинктивно тянулись к свету, щурясь, закрывая лица грязными ладонями.

Ближе всех к Вадиму оказался пожилой шахтер — невысокий, кряжистый мужик с окладистой бородой, густо пересыпанной угольной крошкой и сединой. На его порванной робе тускло поблескивал латунный жетон бригадира с выбитым номером «42». Мужчина сидел на корточках, тяжело опираясь руками о рельс, его била крупная дрожь.

Вадим подошел к нему, присел рядом и протянул свою флягу:

— Пей. Мелкими глотками. Сердце прихватит, если залпом.

Бригадир вцепился в горлышко дрожащими пальцами, сделал два жадных глотка, закашлялся и поднял на Вадима мутные, слезящиеся от света глаза. В этих глазах еще плавали остатки кошмара, но сквозь них уже пробивался рассудок.

— Сынок... — прохрипел старик, и его голос сорвался на сип. — Ты кто... из горноспасателей? Сколько мы... сколько мы тут пролежали? Смена ведь только... в третью смену заступили...

Вадим мягко забрал у него флягу, не давая выпить всё до капли:

— Смена кончилась, батя. Четыре месяца назад кончилась.

Шахтер замер. Его челюсть мелко затряслась, он медленно опустил взгляд на свои руки — исхудавшие, покрытые язвами от сырости, с обломанными под корень черными ногтями.

— Четыре... месяца? — прошептал он, и по его закопченным щекам потекли чистые дорожки слез. — А нам снилось... нам снилось, что мы копаем. Всё копаем и копаем... золотую жилу нашли... а до забоя дойти не можем... стены назад смыкаются... и пить хочется... Господи, как же пить хотелось...

Вокруг них уже собирались те, кто мог стоять на ногах. Шатаясь, держась друг за друга, за выступы в породе, к лучу фонаря брели тени. Мужчины, молодые парни, старики. Их лица были одинаково серыми, осунувшимися, с провалившимися глазницами, но в этих глазницах разгорались искры понимания.

— Выход... выход цел? — раздался чей-то хриплый голос из толпы.

— Главный ствол завален, — твердо ответил Вадим, обводя лучом фонаря лица людей. — Иллюзия держала вас здесь не просто так. Тот, кто поставил этот горн, ждал, пока вы выгорите дотла. Но я пробил резервную директрису.

Он повернулся лицом на юго-восток, туда, где за слоем битого кирпича и старой крепи угадывался глухой тупик штольни. Но теперь, когда ложные координаты были уничтожены, Вадим отчетливо видел сквозь камень истинную геометрию шахтного поля.

В ста двадцати метрах за этим тупиком проходил вентиляционный шурф дренажной системы четвертого горизонта. Прямой выход к старым водоотливным установкам, а оттуда — по аварийным лестницам на поверхность.

Вадим подошел к трем метеоритным иглам, рывком выдернул их из гранита одну за другой и спрятал обратно в подсумок. Металл остыл, но тихо вибрировал, отзываясь на прикосновение пальцев.

Затем он снял с пояса тяжелый футляр теодолита, щелкнул латунными замками и снова водрузил прибор на раскладную треногу прямо посреди штольни.

— Бригадир! — скомандовал Вадим, не оборачиваясь.

Старик судорожно поднялся, вытирая лицо рукавом робы:

— Я!

— Назначаю тебя старшим по колонне. Отобрать сорок человек, кто крепче держится на ногах. Собрать все исправные кайла и ломы. Тяжелобольных и тех, кто в отключке, понесете на носилках — вяжите их из крепежного бруса и роб. Воды мало, делить строго по глотку на десятерых. Через двадцать минут мы начинаем вскрывать перемычку.

Вадим прильнул глазом к окуляру теодолита, быстро наводя перекрестье нитей на глухую торцевую стену забоя. Внутри прибора мягко щелкнули лимбы, выставив новый, истинный азимут спасения.

Азимут: 142 градуса 18 минут.

Угол наклона: +14 градусов.

Дистанция до сбойки: 118.6 метра.

Характер породы: трещиноватый песчаник средней крепости.

Вадим достал кусок красного геодезического мела, подошел к забою и размашисто нарисовал на мокрой каменной стене жирный крест, обведя его двойным кругом.

— Бить сюда, — сказал он подошедшим забойщикам, чьи руки всё еще дрожали, но в глазах уже горела упрямая шахтерская злость. — Пройдете полторы сотни метров по моему лучу — и увидите звезды. Гарантирую как топограф.

Бригадир подошел к стене, погладил шершавый камень узловатой ладонью и тяжело перевел дыхание. Затем он повернулся к толпе оживающих за его спиной людей, сплюнул под ноги и хрипло, но яростно выкрикнул:

— Слышали маркшейдера?! Инструмент к бою, черти полосатые! Смена продолжается!

И первый удар тяжелого кайла в центр нарисованного креста отозвался в теле горы звонким, победным эхом настоящей, неиллюзорной работы.

Глава 5. Черная Карта Баронов

Звон стали о неподатливый камень заполнил узкое пространство забоя, превращаясь в монотонный, яростный ритм выживания. Шахтеры работали посменно, сменяя друг друга каждые пять минут. Кайла взлетали и с глухим треском врубались в нарисованный мелом контур. Во все стороны летели острые осколки песчаника, в воздухе повисла плотная, скрипящая на зубах кремниевая пыль. Те, кто не был занят на проходке, торопливо вязали носилки из выломанного крепежного бруса и просмоленных штрековых канатов, бережно укладывая на них раненых и потерявших сознание товарищей.

Вадим стоял за треногой теодолита, придерживая холодную латунную трубку кончиками пальцев. Его взгляд скользил между сеткой нитей и мерцающим окном системных логов.

[Внимание! Вектор бурения зафиксирован.]

[Текущая погрешность траектории: 0°00'14".]

[Плотность породы: 4.8 г/см³ (вкрапления астрального пирита).]

[Глубина вруба: 1.4 метра из 118.6.]

[Локальная стабильность пространства: 84%... 81%... 78%...]

Показатель стабильности падал слишком быстро. С каждым ударом забойщиков, откалывающим куски проклятой породы, в самой структуре сновидческого пласта нарастало сопротивление. Лабиринт чувствовал, что добыча выскальзывает из его каменной пасти.

Внезапно воздух в штреке ощутимо похолодел. Масляные лампы и фосфоресцирующие кристаллы в стенных выемках дрогнули, сжавшись до размеров булавочной головки, а их свет с теплого желтого сменился на мертвенный, химически-чернильный оттенок. С потолка посыпалась не сухая каменная крошка, а мелкий, маслянистый пепел, пахнущий паленой кожей и старым картографическим пергаментом.

— Стой! — резко скомандовал Вадим, поднимая ладонь.

Забойщики замерли, тяжело дыша. Бригадир с кайлом наперевес вытер пот со лба, оставив на лице широкую грязную полосу:

— Что там, топограф? Жила пошла?

— Оружие к руке, — глухо бросил Вадим, не отрывая взгляда от окуляра. — Гости. С тыла.

Из глубины пройденного ими тоннеля, откуда они с таким трудом пробились четверть часа назад, донесся звук, от которого у бывалых забойщиков мороз пошел по коже. Это был не грохот обвала и не вопли бродячих тварей нижних горизонтов. Это был мерный, идеально выверенный стук кованых сапог по гранитному настилу. Вместе со звуком шагов нарастало тонкое, вибрирующее гудение — словно десятки металлических линеек одновременно рассекали неподвижный воздух.

Тени на стенах штольни оторвались от камня. Вместо того чтобы следовать за слабыми лучами ламп, они начали сгущаться в причудливые, уродливые геометрические формы. Прямые углы ломались, параллельные линии крепей сходились в противоестественные узлы, а из мрака вышагнули трое.

[Обнаружены эмиссары управляющего контура!]

[Цель 1: Каратель Черной Карты (Элитный фантом, Уровень 112).]

[Цель 2: Каратель Черной Карты (Элитный фантом, Уровень 114).]

[Цель 3: Магистр-Геодезист Искажения (Личный исполнитель Барона, Уровень 118).]

[Внимание: Пространственный домен переведен в статус «Внесудебная ликвидация».]

Каратели выглядели как кошмар маркшейдера, сошедший со страниц запретных гримуаров. Высокие, неестественно тонкие фигуры были закованы в латные доспехи из вороненого чугуна, сплошь покрытые гравированными топографическими изолиниями. Их лица скрывали глухие маски из черного полированного обсидиана, сквозь узкие прорезы которых мерцало тусклое багровое пламя. В руках двое держали чудовищные двуручные шесты, напоминавшие геодезические рейки, но увенчанные зазубренными лезвиями секир и тяжелыми свинцовыми отвесами на шипастых цепях.

Третий — Магистр — шел позади. На его плечи был наброшен плащ из плотной материи, вытканной из полотна топографических схем. Линии на его плаще двигались, перестраивая русла рек, воздвигая фантомные хребты и стирая целые города. В вытянутой узловатой руке он держал свернутый свиток из черной кожи, от которого во все стороны растекались волны удушающей гравитационной ряби.

— Несанкционированная демаркация границ, — раздался из-под обсидиановой маски Магистра голос, похожий на скрежет двух гранитных жерновов. — Порча доменного монолита. Попытка побега живого ресурса из регистрационной книги барона Мортиса.

Магистр медленно поднял черный свиток, направляя его обугленный торец точно в грудь Вадиму:

— Приговор вынесен коллегией Иллюзорного Двора: аннулирование топологического статуса. Растворение в нулевой координате.

— Назад, к забою! — рывкнул Вадим бригадиру, делая шаг вперед и заслоня собой треногу с инструментом. — Никому не смотреть им в маски! Не отступать от нарисованного круга ни на шаг, иначе вас втянет в фальшивый горизонт!

— Топограф, мы их на кайла поднимем! — взревел бригадир, сжимая древко инструмента побелевшими пальцами. За его спиной зарычали десятки изможденных людей, готовых драться зубами за призрачный шанс увидеть небо.

— Нет! Ваше железо пройдет сквозь них, как сквозь дым! Держите периметр забоя и продолжайте бить в метку! Это не шахтерская драка, это война метрик!

Вадим рванул с пояса две короткие геодезические вешки с навершиями из граненого горного хрусталя и с силой вогнал их в швы между плитами пола, формируя треугольник вместе со своей треногой.

[Активирован навык: «Геодезический Базис: Трехточечная Опора»!]

[Сформирована зона евклидовой жесткости (радиус: 4 метра).]

[Устойчивость к пространственным деформациям повышена на 350%.]

Воздух между вешками натянулся, зазвенел струной и вспыхнул прозрачной янтарной пленкой. Вовремя: первый каратель сделал шаг вперед, и расстояние между ним и Вадимом сжалось мгновенно. Это не был рывок воина — чудовище просто переписало масштаб пространства под своими ногами, сделав десять метров дистанции равными одному дюйму.

Тяжелая рейка-секира с воем рассекла воздух, целя Вадиму в шею.

Удар пришелся точно в янтарный барьер. Раздался оглушительный треск, во все стороны брызнули снопы золотистых искр. Земля под ногами Вадима просела на ладонь, но базис выдержал. Карателя отбросило назад отдачей от столкновения с абсолютной физической константой, его чугунный доспех жалобно заскрипел.

— Ошибка наведения, ублюдок, — процедил сквозь зубы Вадим. Правая рука его метнулась к подсумку, извлекая одну из метеоритных игл. — У вас масштаб сбит.

Он влил треть своего резерва ментальной энергии в острие иглы и метнул ее не в карателя, а в точку на полу, где пересекались линии тени нападавшего.

[Применен прием: «Привязка Репера к Тени»!]

[Координаты цели заблокированы в локальной системе отсчета на 8 секунд.]

Игла с глухим стуком вошла в монолит. Каратель взвыл — звук был похож на визг циркулярной пилы по стеклу. Его тело дернулось, но ноги намертво приросли к точке на полу, словно прибитые к полу полутонным якорем. Он яростно взмахнул шипастой цепью, но Вадим уже ушел с траектории, перекатившись к основанию теодолита.

Второй каратель уже обходил барьер по потолку — гравитация для порождений барона была лишь условной линией на чертеже. Перевернувшись вниз головой, он обрушил свой шест в основание раскладной треноги, намереваясь уничтожить прибор.

— Не тронь оптику, мразь! — Вадим вскинул левую руку, на запястье которой тускло блеснул стальной наруч с выгравированным транспортиром.

[Активирован контр-импульс: «Зеркальная Нивелировка»!]

Удар шипастого отвеса отразился от внезапно возникшей плоскости искажения и ушел рикошетом в свод штольни. На карателя обрушились многопудовые каменные глыбы, сбивая его на землю и прижимая к полу гранитным завалом.

Но Вадим не успел даже перевести дыхание. Воздух позади замерших карателей внезапно стал абсолютно черным, поглощая свет ламп, искры и пыль. Магистр Искажения закончил разворачивать свой кожаный свиток.

— Довольно возни с мерным шнуром, червь, — произнес Магистр. Линии на его плаще взбесились, превращаясь в бурлящий водоворот чернил. — Посмотрим, как ты измеришь бесконечность собственного падения. Узри милость Барона: тебе даруется путь без конца и края.

Магистр разорвал печать на свитке. Из черной кожи вырвался сноп багрово-фиолетовых лучей, напоминавших пучки гнилых нитей. Они не несли в себе кинетической мощи — они несли концепт. Концепт абсолютной утраты направления.

[КРИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА!]

[Против вас применено Великое Заклятие Домена: «Петля Мебиуса: Вечное Блуждание Баронов»!]

[Класс заклęcia: Абсолютное проклятие топологической изоляции.]

[Эффект заклęcia:]

— Полное уничтожение вектора истинного севера.

— Инверсия пространственных осей: $X \leftrightarrow Y$, Z переводится в мнимую плоскость.

— Расстояние между объектами масштабируется случайным образом при каждом шаге.

— Ментальное заражение: эффект «Ложного Горизонта» (потеря рассудка через 180 секунд).

[Ваш текущий статус: ПОТЕРЯН НАВЕЧНО.]

Мир вокруг Вадима разорвало на куски.

Звуки ударов кайла за спиной мгновенно стихли, сменившись бессмысленным, сводящим с ума эхом, доносившимся одновременно отовсюду — сверху, снизу, из глубин его собственного черепа. Каменный пол под ногами потерял твердость, превратившись в колеблющуюся, липкую мембрану. Стены штольни изогнулись под невероятными углами, сворачиваясь в спираль, уходящую в бесконечную черноту.

Вадим покачнулся. Дикая, разрывающая виски боль ударила по мозгам. Его вестибулярный аппарат сошел с ума: казалось, что он падает вперед, одновременно взлетая вверх и вращаясь вокруг собственной оси со скоростью артиллерийского снаряда.

Он взглянул на свои руки. Пальцы двоились, удлинялись, линии на ладонях расползались в стороны, словно разорванная паутина.

— Топограф!.. — донесся до него слабый, захлебывающийся крик бригадира. Но звук пришел не сзади, а будто бы из-под земли, с расстояния в сотни миль. — Топограф, где ты?! Стена... стены больше нет! Здесь пропасть! Мы падаем!..

Вадим с титаническим усилием заставил себя сфокусировать зрение. То, что он увидел, могло сломать психику любого неподготовленного человека.

Шахтеры не падали. Они стояли на том же месте, но пространство вокруг них превратилось в замкнутый кошмар. Люди кричали, хватаясь за головы. Один из забойщиков попытался сделать шаг к товарищу, но вместо этого зашагал по вертикальной стене, которая внезапно оказалась полом, и закричал от ужаса, обнаружив, что идет по собственным следам, оставленным секунду назад. Бригадир метался на крошечном пятчке гранита, но каждый его шаг уводил его всё дальше от выхода в бесконечную перспективу сужающихся зеркальных коридоров.

Раненые на носилках стонали — их тела растягивало в пространственной проекции, превращая в искаженные полосы плоти и тени.

А прямо перед Вадимом стоял Магистр Искжения. Его фигура теперь казалась колоссальной, упирающейся головой в ненастоящее, нарисованное черными звездами небо свода.

— Ты гордился своей профессией, человечиска, — глумился голос карателя, звучавший как шелест миллионов сухих страниц. — Ты чертил прямые линии в мире, который принадлежит кривизне нашего владыки. Теперь ты будешь идти вперед целую вечность. Каждый твой шаг вернет тебя в точку начала твоей агонии. Ты сам станешь нулевым километром нашего чистилища!

Вадим опустился на одно колено. Желудок свело мучительной судорогой, к горлу подступила желчь. Глаза заливал пот, смешанный с кровью из лопнувших капилляров. Ментальная стойкость таяла на глазах:

[Ментальная стойкость: 62%... 49%... 31%...]

[Внимание: Рассудок деградирует. Восприятие геометрии нарушено на 91%.]

[Рекомендация Системы: Смирись. Примите вечный покой в петле.]

— Смириться?.. — прохрипел Вадим, сплевывая кровь на колеблющийся фантомный камень. — Покой?.. Да пошел ты... и твой барон... вместе со всей вашей кривой канцелярией!

Геодезист не верит глазам. Глаза можно обмануть. Хрусталик можно исказить, сетчатку сжечь, мозг отравить фантомами и фальшивыми горизонтами. Но геодезист верит только прибору. Только строгой математике луча и незыблемой физике вселенной.

Вадим сунул дрожащую руку во внутренний карман брезентовой штормовки. Пальцы нащупали тяжелый, холодный диск из полированного метеоритного серебра и титана.

Компас Астрального Меридиана.

Личный инструмент Высшего Топографа. Артефакт, созданный не для прогулок по полям, а для прокладки путей сквозь хаос первичного формообразования.

Вадим щелкнул подпружиненной крышкой.

Внутри прибора не было обычной магнитной стрелки. На сапфировой игле в подвесе Кардана плавала тончайшая спикула из чистейшего эфирного кристалла, погруженная в тяжелую жидкость цвета расплавленной плазмы. По ободу компаса бежали тончайшие нониусные шкалы, размеченные не в градусах, а в радианах абсолютной истины и константах первичного мироздания.

Как только крышка откинулась, стрелка компаса бешено завертелась, срываясь на ультразвуковой писк. Заклятие Вечного Блуждания обрушилось на стрелку, пытаясь закрутить ее в уроборос, вывернуть наизнанку.

— Ну уж нет, — прошипел Вадим.

Он поднял правую руку, сжал кулак и изо всех сил ударил по острой грани сломанной вешки. Острый хрусталь глубоко распорол ладонь. Горячая, алая, абсолютно настоящая человеческая кровь брызнула на стекло артефакта.

Физическая боль отрезвила разум, пробив морок иллюзии мощным адреналиновым разрядом.

— Именем Первого Меридиана! — закричал Вадим, чувствуя, как кровь вскипает на поверхности компаса. — Именем Неделимой Точки Отсчета! Привязка по биологическому маркеру! Калибровка нуля!

[ВНИМАНИЕ! Совершена кровавая жертва оператора!]

[Артефакт «Компас Астрального Меридиана» активирован в режиме предельной мощности!]

[Сжигание маны: 50 единиц в секунду!]

[Инициализирован протокол: «Абсолютный Азимут Души!»]

Стрелка компаса дернулась. Кровь Вадима впиталась в серебряные насечки шкал, вспыхнув ослепительным, чистым золотым огнем. Вращение стрелки замедлилось. Она дрожала, вибрировала с такой силой, что сапфировая опора раскалилась добела, преодолевая сопротивление наложенного баронского проклятия.

И затем стрелка встала.

Она указала не на север. В этом мертвом сновидческом кармане не было севера. Она указала на глухую торцевую стену забоя — туда, где за толщей песчаника лежали старые водоотливные штреки и путь к небу.

Из центра компаса в потолок ударил узкий, как хирургический лазер, луч незапятнанного золотого света.

[Локальная метрика принудительно стабилизирована!]

[Вектор истинного направления восстановлен!]

[Заклятие «Петля Мебиуса» вошло в критический резонанс с эталонной координатой!]

— Невозможно! — взвыл Магистр Искажения, отступая на шаг и закрывая лицо рукавом своего топографического плаща, который начал дымиться и тлеть от золотого сияния. — Здесь нет выхода! Пространство этого забоя замкнуто само на себя указом наместника! Твой вектор фиктивен!

— Это твоя жизнь фиктивна, чертежник недоделанный, — Вадим медленно поднялся на ноги.

Вся слабость исчезла. Его глаза горели холодным, расчетливым пламенем истинного геометра. Он держал компас на раскрытой окровавленной ладони, и от прибора во все стороны по полу штрека начали раскатываться золотые координатные сетки. Миллиметровые деления, пересечения параллелей и меридианов впечатывались в вибрирующий камень, выжигая иллюзорную скверну, выпрямляя изломанное пространство, возвращая стенам их вертикаль, а полу — его законную горизонтальность.

— Бригада! — голос Вадима громом прокатился по штольне, сметая фантомное эхо. — Смотреть на мой луч! Не на стены! Не под ноги! Только на золотую нить!

Шахтеры, еще секунду назад блуждавшие в кошмаре бесконечных отражений, вскинули головы. Золотой луч, выходящий из компаса, пробивал морок, как маяк пробивает штормовой туман. Он протянулся через всю штольню, соединяя Вадима, испуганных людей и нарисованный мелом крест на стене забоя в единую, неразрывную ось реальности.

Искаженные тела забойщиков с щелчком вернулись в нормальные физические формы. Пространственные складки расправились. Бригадир тяжело рухнул на четвереньки, судорожно глотая воздух, но уже через секунду вскочил, потрясая кайлом:

— Вижу! Вижу ориентир! Живы, черти, живы!

— Держите строй! — командовал Вадим, делая шаг вперед. Каждый его шаг звенел металлом, впечатывая золотую шкалу компаса в гранит. — Встать в колонну по три! Раненых в центр! Носилки держать горизонтально! Идти строго по координатной сетке! Шаг вправо или влево — останетесь здесь навсегда!

Магистр Искажения зашипел, понимая, что его главное оружие разбито в прах. Черный свиток в его руках вспыхнул багровым пламенем и рассыпался прахом, не выдержав прямого столкновения с абсолютной координатой.

— Каратели! В клочья их! Разорвать носителя стрелки! — завизжал он, теряя всякое подобие аристократического величия.

Прикованный ранее к полу каратель наконец перерубил державшую его тень секирой и бросился вперед, а освободившийся из-под завала второй фантом ринулся наперерез, вздымая шипастые цепи.

— Поздно, — холодно констатировал Вадим.

Он свободной левой рукой сорвал с пояса рулетку из звездной меди и резко крутанул барабан.

[Активирован боевой шаблон: «Триангуляционный Захват»!]

Сверкающая металлическая лента вылетела из корпуса рулетки на двадцать метров, расцепляясь на три тончайших светящихся луча. Лучи обогнули карателей, перекрестились за их спинами и замкнулись в жесткий геодезический треугольник.

— Расчет площади завершен, — произнес Вадим и резко сжал пальцы в кулак. — Координаты схлопнуть.

Геометрическая фигура вспыхнула и мгновенно стянулась в точку. Пространство внутри треугольника сколлапсировало с сухим хлопком вакуумного взрыва. Двух чугунных гигантов

просто смяло их собственной искаженной броней, спрессовало в бесформенные комки черного металла и развеяло по штольне облаком едкой гари.

[Уничтожен элитный противник: Каратель Черной Карты (2/2).]

[Получено 14 800 единиц опыта.]

[Ваш уровень повышен: 89 -> 90!]

[Разблокирован пассивный узел: «Непоколебимый Репер»].

Магистр Искажения отшатнулся к противоположной стене. Его маска из полированного обсидиана треснула поперек, явив миру искаженное ужасом, серое, лишенное кожи лицо с пустыми глазницами.

— Барон... Барон сотрет тебя со всех карт этого мира... — прохрипел он, растворяясь в клубящейся черной мгле. — Ты не выйдешь из Лабиринта, топограф! Черная Карта уже начертана твоей кровью!

— Передай своему барону, — Вадим поднял теодолит и закинул ремень футляра на плечо, — что я перечерчу его владения по своим стандартам. И его замок тоже пойдет под снос как самострой.

Магистр с шипением исчез, оставив после себя лишь пятно маслянистой копоты на стене штольни.

Штрек погрузился в тишину, нарушаемую лишь тяжелым дыханием полусотни шахтеров да мерным, баюкающим тиканьем Астрального Компаса. Золотой луч света из прибора больше не дрожал. Он ровно и несокрушимо бил в нарисованный мелом крест на забое.

Бригадир подошел к Вадиму, прихрамывая на правую ногу. Его старое, изборожденное морщинами лицо осунулось еще сильнее, но в глубине выпетших глаз горела такая надежда, которую невозможно было погасить никакими баронскими чарами.

— Ну и штука у тебя в руках, сынок... — прошептал старик, глядя на компас, вокруг которого всё еще лениво вращались золотистые цифры координат. — Я за сорок лет под землей разного дерьма навиделся, но чтоб саму дорогу за горло держали... Такое в первый раз вижу.

— Это не штука, бригадир. Это инструмент, — мягко ответил Вадим, перевязывая рассеченную ладонь куском чистого бинта из аптечки. — Пространство не терпит лжи. Если ты точно знаешь, где стоишь и куда идешь, никакой морок тебя не свернет.

Он повернулся к стене забоя и подошел вплотную к меловому знаку. Золотой луч компаса прожигал камень насквозь. Вадим приложил ладонь к холодному песчанику. Сквозь толщу породы он отчетливо ощутил слабую, но непрерывную вибрацию. Это не было дыхание лабиринта. Это был гул работающих механизмов — древних, ржавых, забытых, но настоящих водоотливных помп поверхностного дренажа.

А вместе с вибрацией сквозь микротрещины просачивался едва уловимый, забытый всеми запах — запах сырой земли, прелой листвы и далекого дождя.

— Они там, — сказал Вадим, оборачиваясь к замершей колонне. — За этой стенкой. Всего двадцать метров истинного расстояния. Заклятие пыталось раздуть их в сотни километров, но компас срезал фальшивую метрику. Порода истончилась.

Бригадир медленно поднял свое кайло. Лицо его ожесточилось, желваки заходили под кожей:

— Слыхали, мужики?! Там дождь идет! Там воздух настоящий!

Толпа за спиной бригадира глухо, яростно выдохнула. Вперед вышли шестеро крепких забойщиков. В их глазах больше не было паники. Они видели золотую линию, ведущую точно в центр стены, и знали, что каждый их удар приближает их к свету.

— По три удара на человека! — скомандовал бригадир, вскидывая инструмент. — Вбивай по самое темечко! Пошли!

Первый удар расколол песчаник вдоль золотого луча. От камня отвалился пласт размером с могильную плиту. Второй удар вошел еще глубже. Песчаник крошился, не в силах сопротивляться напору людей, за спинами которых стоял маркшейдер с компасом истины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.